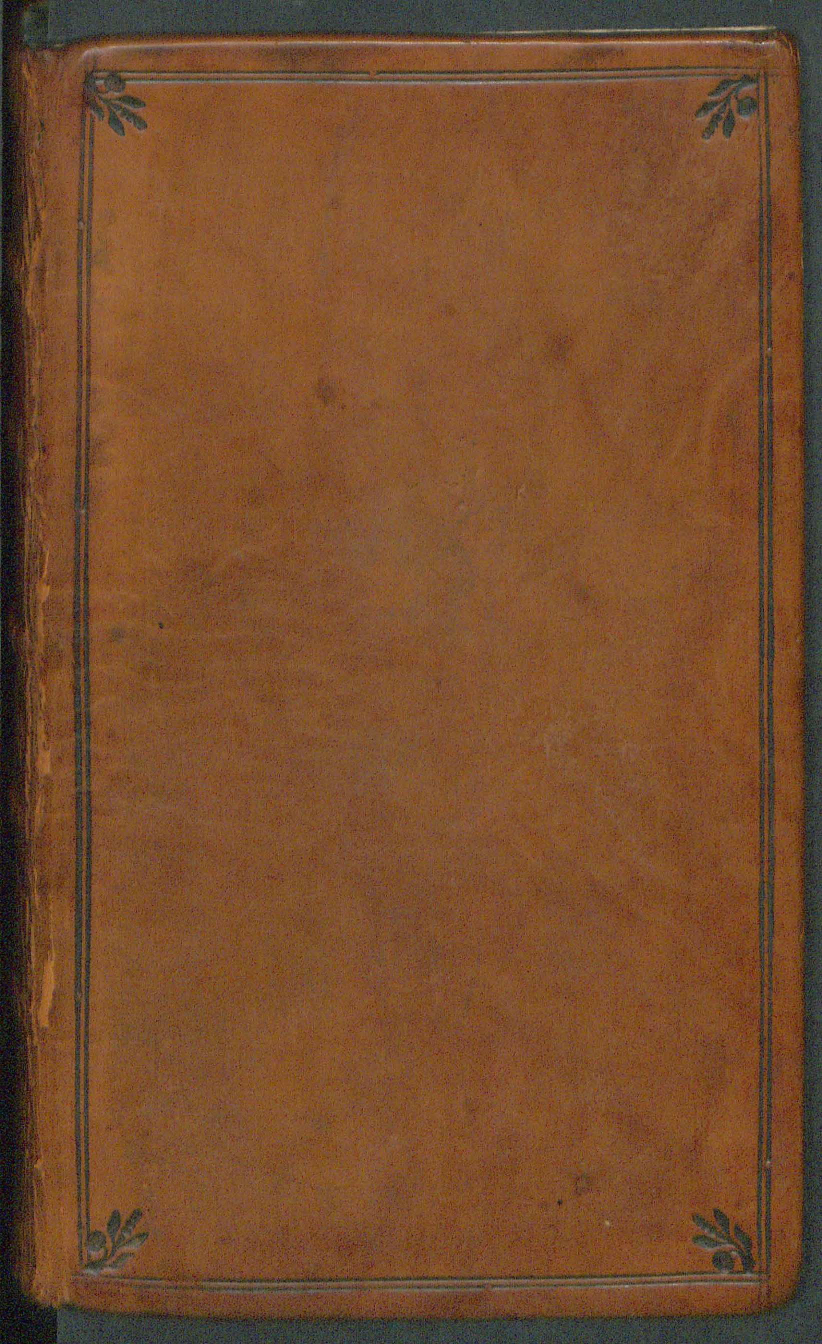
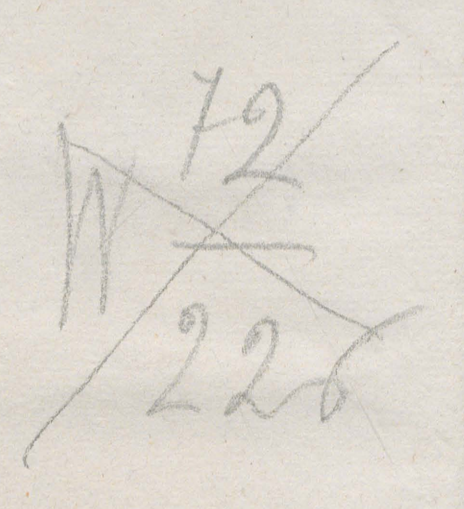

ИЗЪ КНИГЪ ГРАФА СЕРГІЯ ДМИТРІЕВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА
DEUS CONSERVAT OMNIA
ШКАФЪ III ПОЛКА IV №: 455.

Nr 71
226

ТЫСЯЧА
и
ОДНА
ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА,
ПОВѢСТИ
ТАТАРСКІЯ.

Частъ лерпая

Переведены
съ
ФРАНЦУЗСКАГО.

Печатаны при ИмператорскомЪ МосковскомЪ УниверситетѢ,
1765. года

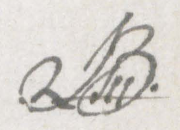
ТЫСЯЧА

И

ОДНА

ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА,

ПОВѢСТИ ТАТАРСКІЯ.

* * *

Внѣкоторой, Дервишъ (*) живущей въ пустыни близъ(**) Астрахани, возвращаясь однимъ вечеромъ съ рыбной ловли по

(*) Дервиши называются Магометанскїе монахи; они притворяютъ себя тихими, смиренными, терпѣливными и человѣколюбивыми; ходятъ всегда босикомъ и открывши грудь; а нѣкоторые для показанїя своего терпѣнїя, жгутъ себя горячимъ желѣзомъ, и живутъ въ нищетѣ, цѣломудрїи и послушанїи. Естьли же для своего содержанїя имѣютъ какую либо необходимость; то позволенїе имѣютъ и изъ монастыря выходить; иные же изъ нихъ живутъ въ пустыняхъ такъ почти, какъ и наши пустынники.

(**) Астраханъ есть столица Астраханской провинцїи, на границахъ пустой Тата-

берегу рѣки Волги, и вошедъ въ здѣланную для себя землянку, весьма удивился, увидя въ оной младенца со всѣмъ нагаго, котораго взявъ онъ къ себѣ на-руки, тотчасъ побѣжалъ сказать о семъ приключенїи Астраханскому портному, именемъ Курбану, отъ котораго обыкновенно онъ часто милостыню получалъ.

Какъ сего портнаго жена накунунѣ того, родила было дочь, которая однакожъ въ тотже почти часъ и умерла; то она сего младенца стала кормить своею грудью, и позабывъ, такъ сказать, родную свою дочь, все свое попеченїе обратила

рїи около устья рѣки Волги на Каспїйскомъ морѣ. По своему положенїю, которое смежно съ Азїею и Европою, имѣетъ въ себѣ великой торгъ.

братила къ сему младенцу, которому дала имя Шемсъ-Эддинъ.

Не имѣя у себя около пятнатцати лѣтъ дѣтей, она весьма горячо любила Шемсъ-Эддина, а сей ребенокъ, почитая себя ихъ сыномъ, соотвѣтствовалъ имъ почтенiемъ и преданностiю своею, которая еще больше любовь ихъ умножала. Когда же сталъ онъ приходить въ возрастъ, то сколько ни имѣлъ охоты къ оружiю, однако желанiе Курбаново принуждало его учиться портному мастерству; и меньше двухъ лѣтъ такъ совершенно онъ тому выучился, что не снимая съ человѣка мѣрки, но только съ одного взгляду могъ здѣлать такое платье, какбы и самой лучшей въ Астрахани портной.

Искусство и мастерство Шемсъ-Эддиново по городу весьма скоро прославилось, и никто хорошо одѣтымъ себя не почиталъ, естьли платье не ево шитья было; а особливо женщины пользовались имъ и безвѣдома мужей своихъ; потому что онъ йздали поглядя на нихъ, могъ здѣлать чрезъ четыре дни такое платье, какое ему приказано будетъ.

Какъ нѣкогда сей молодой портной былъ въ своей лавкѣ, то подошедъ къ нему старуха, желала съ нимъ поговорить наединѣ. Государь мой, сказала она ему, можете ли вы со мною сей часъ итти, чтобъ здѣлать платье двумъ наипрекраснѣйшимъ въ Астрахани госпожамъ. Шемсъ-Эддинъ немедленно обѣщался за нею итти; однако, отвѣчала старуха, съ такимъ

кимъ притомъ уговоромъ, чтобъ тебѣ глаза̀ завязать, а безъ того мнѣ не льзя тебя вести съ собою. Шемсъ-Эддинъ такому предложенію удивился, но лучше отваживаясь на все, нежели чтобъ пропустить случай видѣть сихъ двухъ красавицъ, пошелъ не медля за старухою, которая приведши его въ не большой домъ въ Астраханскомъ предмѣстіи, ввела его въ нижнюю залу, и вынувъ шелковой шитой золотомъ платокъ, отдала его двумъ чернымъ невольникамъ, у которыхъ были въ рукахъ обнаженныя сабли, чтобъ они ему тѣмъ глаза̀ завязали, и повели въ назначенное мѣсто; а ежели же онъ хотя мало любопытствовать будетъ, чтобъ видѣть по какой его дорогѣ ведутъ, тобъ неотмѣнно голову ему срубили.

Сей приказъ молодаго портнаго испугалъ было, но старуха ему сказала: не бойся ничего, естьли только ты будешь уменъ и скроменъ, то нѣчего тебѣ опасатися; сіи обѣщанія нѣсколько его ободрили; онъ далъ себѣ завязать глаза̀, и шелъ такимъ образомъ около часа, послѣ чего какъ невольники ему глаза̀ развязали, увидѣлъ онъ себя въ пребогатоубранной залѣ, въ которой горѣло больше ста восковыхъ свѣчь.

По концѣ залы стоялъ изъ золота здѣланной тронъ, на которомъ сидѣли три женщины, покрытыя покрываломъ; однако и сквозь опое легко можно было видѣть, что одной изъ нихъ, которая хотя и весьма прекрасна, около сорока лѣтъ было, и что ничего натура столь прекраснѣе и совершен-

нѣе

нѣе не сотворила, какъ двухъ другихъ, которымъ казалось и осьмнатцати лѣтъ еще не было. Великое число невольницъ равномѣрно же въ покрывалахъ стоящихъ, по обѣимъ сторонамъ трона, наблюдали глубокое молчаніе, и съ почтеніемъ ожидали повелѣнія сихъ трехъ госпожъ.

Давъ же время разсмотрѣть портному толикое великолѣпіе, одна изъ нихъ, которая казалась быть постарѣе, вставъ съ трона, говорила ему: Шемсъ-Эддинъ, слава твоя побудила наше любопытство. Въ Астрахани о твоемъ искусствѣ сказываютъ удивительныя дѣла, и мы хотимъ оное самимъ дѣломъ испытать: посмотри пристальнѣе на сихъ двухъ молодыхъ дѣвицъ, и можешь ли ты похвастать, чтобъ не снимая никакой

мѣрки, здѣлать имъ по платью хорошаго вкуса. Милостивая государыня, отвѣчалъ молодой портной, я всѣми силами стараться буду сохранить ту славу, которую я прiобрѣлъ нѣсколько по справедливости: я ихъ довольно разсмотрѣлъ, прикажите мнѣ выдать матерiю, и вы довольны будете мною на сей же недѣлѣ.

Черные невольники повели тогда Шемсъ-Эддина въ другую залу, открыли ему сундуковъ съ двадцать, наполненныхъ пребогатыми изъ всего востока парчами; изъ которыхъ онъ взялъ столько, сколько ему надобно было нá-два платья. Потóмъ глазà ему завязали, и опять отвели къ старухѣ, которая домой его проводила. Естьли ты хочешь быть щастливъ, говорила она ему, то не старайся изслѣ-

изслѣдывать гдѣ ты былъ, и для кого платье дѣлаешь; въ противномъ же случаѣ наималѣйшее развѣдыванїе стоять будетъ твоего живота, но только старайся поскоряе окончить данную тебѣ работу, а я въ назначенной срокъ по тебя приду, и поведу съ прежнимъ же уговоромъ къ тѣмъ госпожамъ.

Потóмъ старуха съ Шемсъ-Эддиномъ простилась, а онъ, положивъ искусно свою парчу, легъ спать съ тѣмъ, чтобъ на самомъ разсвѣтѣ приняться за работу; однако во всю ночь и глазъ не могъ закрыть. Красота одной изъ двухъ женщинъ непрестанно въ умѣ его воображалась. Карїе глазà, которыхъ острота и сквозь покрывало была видна, столь сильно пронзили его сердце, что ужè онъ

самъ былъ не свой. И такъ опять всталъ, засвѣтилъ свѣчу и нѣсколько смякнувшись, какимъ бы образомъ начать кроить. Такъ хорошо вздумалъ для красоты двухъ молодыхъ госпожъ, а особливо для той, которою ужѐ онъ плѣнился, что совершенно надѣялся, что они его работою довольны будутъ, и продолжалъ свою работу съ крайнимъ прилѣжанїемъ. А какъ платье къ назначенному дню поспѣло, то старуха пришедъ къ нему, и взявъ его съ собою опять, отдала завязавъ ему глаза̀, въ ру́ки двумъ чернымъ, которые также, какъ и прежде, водя его по городу, представили тремъ госпожамъ, сидящимъ на серебряномъ тронѣ.

Шемсъ-Эддинъ не успѣлъ еще своего платья развернуть, какъ ужѐ начали хвалить хорошей его вкусъ.

Двѣ

Двѣ госпожи, для которыхъ оное было здѣлано, пошли въ свою уборную съ четырью невольницами, а оттуда возвратились ужѐ въ залъ безъ покрываловъ и въ новыхъ платьяхъ тысячу разъ еще прекраснѣе (*) полнаго мѣсяца. Какъ скоро они показались, то всѣ невольницы забили въ ладоши, да и самъ молодой портной такъ былъ ослѣпленъ прелестьми той, которой посвятилъ свое сердце, что упалъ безъ памяти на софу, и отъ превеликаго веселія и сердечной радости едва было свѣту не лишился.

Да и подлинно красота сихъ госпожъ столь была неописанная, что развѣ только оную сравнить можно съ Гурисами. (**) Они

(*) Симъ словомъ изображается на Арабскомъ языкѣ чрезвычайная красота.

(**) Гурисы называются дѣвицы которыхъ обѣщаетъ Магометъ добрымъ Музульманамъ

Они искусство и мастерство Шемсъ-Эддиново весьма похвалили, и каждая дала ему по кошельку со ста червонными, а притомъ просили его еще имъ здѣлать по платью другимъ ужѐ покроемъ. Сей молодой портной пошелъ въ палату, гдѣ лежали парчи, и взявъ изъ нихъ пять кусковъ весьма страннаго вкуса, здѣлалъ два платья самымъ простымъ манѣромъ, за что получилъ двѣсти червонныхъ и приказъ, выбрать парчи еще на-два платья. Такимъ образомъ работа сїя продолжалась семь недѣль; въ которое время Шемсъ-Эддинъ здѣлалъ четырнатцать платьевъ, и за оное получилъ столько же кошельковъ съ червонными. Но между тѣмъ страсть его къ одной изъ

сихъ

манамъ по ихъ смерти. Они всегда имѣютъ быть дѣвицы, и совершеннѣйшей красоты.

сихъ госпожъ столь сильно умножилась, что не взирая на весьма неравное состоянїе между собою и ею, вознамѣрился открыть ей свою любовь, и разсуждая долгое время, какимъ бы образомъ оное исполнить, не нашелъ другаго способа, какъ положить въ карманъ письмо въ первое платье, которое онъ понесетъ: что онъ и дѣйствительно исполнилъ, изобразивъ въ ономъ свою страсть и лютое мученїе, такъ живо и униженно, что надѣялся, хотябъ оное ей и не понравилось, однако бъ по крайней мѣрѣ простила ему сїе дерзновенїе.

Письмо же его имѣло желаемой успѣхъ, и увидя въ первой разъ потомъ сїю госпожу, не только не усмотрѣлъ онъ въ глазахъ ея никакого гнѣва, но примѣтилъ еще такїе прїятные взоры, что

чрезъ великую силу могъ удержаться, чтобъ не повалиться къ ногамъ ея. Онъ подалъ ей платье, и она пошла его примѣривать, а потомъ выславъ къ нему назадъ, велѣла ему сказать, что оно нѣсколько узко. Молодой портной, зная вѣрно, что платье сшито такъ какъ надобно, догадался, что то здѣлано подъ видомъ, дабы чрезъ оное дать ему отвѣтъ. Онъ вынулъ свои ножницы и иголку, и притворяясь, будто оное поправляетъ, сталъ искать по карманамъ, и нашелъ письмецо, которое искусненько вынувъ, платье опять отдалъ, со всѣмъ ничего не переправляя. Госпожа вышла въ залу и очень была довольна, а ему велѣно было еще дѣлать платье. Шемсъ - Эддинъ, пришедъ отъ нихъ домой, немедленно письмо развернулъ, въ которомъ слѣдующее написано:

„ Любви

„ Любви твоей, любезной Шемсъ-
„ Эддинъ, не могу я не чувство-
„ вать; ты такъ ея живо и нату-
„ рально изображаешь, что я бы
„ опасалась гнѣва отъ великаго на-
„ шего Пророка, естьли бы платила
„ за оную неблагодарностїю. Я
„ не стыжусь признаться, что я
„ тебя люблю, и ты мнѣ весьма
„ милъ, и что скоро бы ты былъ
„ щастливъ, естьлибы отъ меня толь-
„ ко зависѣло наградить твою лю-
„ бовь, которую почитаю я искрен-
„ нею и законною. Но, свѣтъ моей
„ жизни, коликихъ слезъ будетъ
„ тебѣ стоить, когда ты узнаешь
„ что я на вѣки заключена въ та-
„ комъ мѣстѣ, въ которомъ всѣ
„ живущїе опредѣлены для веселїя
„ Астраханскому царю, и что бес-
„ щастной (*) Зебдъ-Эль-Катонъ
„ нѣтъ

(*) Сїе имя на Персидскомъ языкѣ зна-
чить цвѣтъ женщинъ.

„ нѣтъ никакой надежды, чтобъ „ когда нибудь соединиться съ лю- „ безнымъ Шемсъ - Эддиномъ „.

Прочитавъ сїе письмо молодой портной, почувствовалъ въ себѣ несказанную радость, которая однакожъ смѣшена была съ крайнею горестїю. Зебдъ - Эль - Катона была изъ всей Татарїи наипрекраснѣйшая, и притомъ извѣстно было, что она фаворитка Астраханскаго царя (*) Алзалега. Шемсъ - Эддинъ, будучи вхожъ къ городскимъ начальникамъ, многократно слыхалъ о красотѣ ея, и какую несклонность она къ царю имѣла. Какъ сему государю больше шестидесяти лѣтъ, а Зебдъ - Эль - Катонѣ и семнатцати еще не было; то она никакъ не могла привыкнуть

(*) Алзалегъ значитъ на Арабскомъ доброй Ханъ.

кнуть къ воздыханіямъ шестидесятилѣтняго старика. Царь же Астраханской, любя ея горячо и нѣжно, не хотѣлъ употреблять надъ нею такой власти, какъ надъ своею невольницею, но ожидалъ терпѣливо, чтобъ слѣпое его угожденіе склонило ея сердце.

Шемсъ-Эддинъ, довольно видя, что никоимъ образомъ не можно ему получить Зебдъ-Элъ-Катоны, въ такое жестокое пришелъ отчаяніе, что когда старуха пришла за нимъ, чтобъ вести его въ сераль, нашла его на постелѣ въ превеликой горячкѣ. О чемъ пошла она тотчасъ объявить своимъ госпожамъ, которыя такъ сильно о томъ запечалились, что не разсуждая, какой они себя подвергаютъ бѣдѣ, подкупили евнуховъ, которые и прежде позволяли молодому

портн-

портному къ нимъ ходить, чтобъ выпустили они ихъ изъ сераля.

Шемсъ-Эддинъ, желая ужѐ себѣ смерти, въ крайнее пришелъ изумленіе, увидя сихъ госпожъ у своей кровати. Онъ хотѣлъ было засвидѣтельствовать имъ свою благодарность, какъ старшая изъ нихъ, снявъ свое покрывало въ первой разъ, слѣдующее ему говорила: „Здоровье твое, любезной Шемсъ-„Эддинъ, столь намъ дорого, что „мы отваживаемъ жизнь свою, „чтобъ самимъ посмотрѣть, мо-„жно ли твою спасти. Скажи, по-„жалуй, намъ причину твоей бо-„лѣзни, можетъ быть, найдемъ „мы оной какое облегченіе„.

Молодой портной, для оказанія почтенія, и будучи тронутъ красотою сея госпожи, которую безпокоило

покоило нѣкоторое движенїе, нѣсколько привставши, отвѣчалъ ей слабымъ голосомъ: Ахъ! милостивая государыня, сколь неизлечимою болѣзнь свою я ни почитаю, однако присутствїе ваше и сихъ госпожъ принесло ранамъ моимъ немалое облехченїе. Я было умеръ съ одной печали; но какъ вы столько изволите имѣть попеченїя о жизни нещастнаго, то я оставляю жестокое свое намѣренїе, и надѣюсь чрезъ шесть дней здѣлать симъ двумъ госпожамъ приказанное платье. Зебдъ-Эль-Катона, чувствуя чрезвычайную любовь молодаго портнаго, пожала ему руку: естьли можно, но только бъ безъ вреда твоему здоровью, сказала она, то, пожалуй, любезной Шемсъ-Эддинъ, вдержи твое слово, ты не можешь себѣ вообразить, какъ тому особливо я рада буду.

Потомъ

Потомъ сіи госпожи встали, и подъ препровожденіемъ евнуховъ, которые провели ихъ до дому портнаго, возвратились въ свои покои. Шемсъ-Эддинъ въ такой радости препроводилъ слѣдующую ночь; что на другой же день поутру въ состояніи былъ приняться за работу. Платье по обѣщанію его поспѣло чрезъ шесть дней, и старуха, которая прихаживала весьма часто освѣдомляться о его здоровье, взяла его съ собою, и отдала по прежнему двумъ чернымъ; а они провели ужѐ его въ залъ, которой при входѣ его наполнился радостнымъ восклицаніемъ.

Шемсъ-Эддинъ подалъ принесенное платье госпожамъ, которое они разсматривали; и которое имъ понравилось гораздо еще лучше и всѣхъ прежнихъ. Для прибавле-

нія же къ оному великолѣпія, велѣли они подать себѣ маленькой ларчикъ съ драгоцѣнными каменьями, и приказали ему выбрать изъ оныхъ, чтобъ нашить на платье.

Молодой портной, повинуясь ихъ повелѣнію, нашивалъ каменья на зарукавье любезной Зебдъ-Эль-Катоны, какъ въ залѣ дверь вдругъ отворилась, и одинъ человѣкъ, у котораго смѣшенной съ яростію гнѣвъ пылалъ на лицѣ, шелъ прямо на него съ обнаженною саблею. Шемсъ-Эддинъ тотчасъ узная, что то былъ царь Астраханской, и думая, что ужѐ безъ сомнѣнія смертъ его пришла, не разсудилъ за благо дожидаться мщенія сего Государя, нижѐ оставить его гнѣву трехъ госпожъ, которыми столько одолженъ онъ былъ, схватилъ тотчасъ кинжалъ, осыпанной бриліантами,

тами, которой лежалъ въ ларчикѣ съ каменьями, и не допустивъ до себя царя, такъ искусно бросилъ въ него сей кинжалъ, что здѣлалъ ему глубокую рану, отъ которой упалъ онъ на-полъ.

Алзалегъ, не въ состоянiи будучи встать, призывалъ къ себѣ на помощь; по чему тотчасъ вошли двенатцать евнуховъ, и онъ приказавъ имъ схватить Шемсъ-Эддина, трехъ женщинъ и двухъ черныхъ, велѣлъ ихъ раздѣть до пояса, и изрубить тѣло ихъ на мѣлкiя части.

Покамѣстъ положили царя на софу, и ходили за его докторомъ, сей жестокой приказъ былъ уже отъ части исполненъ; ихъ всѣхъ раздѣли, и хотѣли было рубить, какъ старшая изъ трехъ женщинъ,

взгля-

взглянувъ невзначай на молодаго Шемсъ-Эддина, и увидя подъ правою грудью родимое пятно, бросилась Алзалегу въ ноги. Ахъ! милостивой государь, говорила она ему, отложите хотя на минуту справедливой вашъ гнѣвъ. Я только одна виновата. Нещастная Сучюме, ваша дочь, Зебдъ-Эль-Катона и сей молодой человѣкъ не виноваты. Однако судьбы избѣжать не можно, и сколько вы предосторожности ни имѣли для избѣжанїя астрологова предсказанїя; но вотъ наконецъ по неминуемому провидѣнїю сїе предсказанїе совершилось.

Царь, удивившись симъ рѣчамъ, велѣлъ своимъ евнухамъ выти, и приказавъ женщинамъ и портному одѣться, повелѣлъ той, которая сїе говорила, изъяснить такую загадку, которой онъ понять не можетъ.

жетъ. Сія женщина, повинуясь цареву повелѣнію, слѣдующее ему говорила:

ПОВѢСТЬ

Султанши Дюгме.

Ваше Величество, изволите припомнить, что когда имѣя щастіе Вамъ понравиться, здѣлалась чреватою: то Вы о моей беременности спрашивали славнаго Абдельмелека. Сей астрологъ сказалъ Вамъ, что я рожу сына, которой предастъ Васъ смерти, да и самъ отъ того лишится живота своего; естьли не задушенъ онъ будетъ при своемъ рожденіи. Какъ Абдельмелековы предсказанія всегда збывались: то сіе Васъ устрашило, и для предупрежденія сего нещастія, Вы меня всегда при себѣ имѣли. Я

Вамъ

Вамъ тщетно представляла, что не должно много полагаться на сомнительную такую науку, какъ астрологія. Вы вознамѣрились быть сами при моихъ родинахъ, чтобъ я не могла здѣлать какого подлога; слёзы мои Васъ ни мало не трогали; Вы были не упросимы; я не могла отвратить Васъ отъ безчеловѣчнаго такого намѣренія, чтобъ пролить родную свою кровь, и я едва было не умерла съ печали и отъ страха, когда увидѣла, что Вы вошли въ мою спальню съ Абдельмелекомъ, какъ скоро Вамъ сказали, что я мучусь родами. Но притомъ, милостивой государь, не можете Вы позабыть, что я отъ превеликаго беспокойства въ несказанную радость пришла, когда, вмѣсто мальчика, произвела на свѣтъ нещастную Сучюме. Вы посмотрѣли тогда на Абдельме-

лека съ негодованїемъ. Несмысленной, или лукавой астрологъ, сказали Вы ему преисполненнымъ гнѣва лицомъ: я покажу тебѣ, какъ насмѣхаться надъ своимъ государемъ: ложъ твоя уморила-было любезную мою Дюгме, однако такого дерзновеннаго подданнаго я тотчасъ накажу. Абдельмелекъ тогда, продолжала Султанша, бросясь къ Вашимъ ногамъ говорилъ: милостивой государь, не начинайте совершать надо мною предсказанїя, которое весьма будетъ справедливо, извольте еще нѣсколько подождать, Вы увидите, что моя наука есть неложная... Вы, не давъ времени астрологу окончать свою рѣчь, срубили ему саблею голову, и вышли изъ моей спальни, взявъ съ собою новорожденную дочь нашу.

И едва лишь Ваше Величество вошли въ свои покои, какъ я опять стала мучиться. Находившаяся тогда при мнѣ бабушка, подошедъ ко мнѣ, увидѣла, что я еще рожу; того ради подъ разными причинами разослала всѣхъ бывшихъ въ моемъ покоѣ людей; а я тотчасъ послѣ того родила мальчика прекраснаго, какъ день. Натура, которая для моихъ глазъ ничего еще столь совершеннѣе не сотворила, не позволяла мнѣ, чтобъ я его Вамъ посвятила. Вся моя внутренняя ворочалась, когда я размышляла о Вашей жестокости. Я отдала моего сына съ многими дорогими каменьями сей бабушкѣ, и просила ея, чтобъ она немедленно сыскала для него кормилицу внѣ Астрахани.

Какъ за мною больше ужѐ не примѣчали, то удобно ей было

сына моего вынести, и я съ нетерпѣливостію ожидала ея возвращенія. Но по прошествіи четырехъ дней, съ крайнею горестію я увѣдомилась, что она была убита за четыре мили отъ Астрахани; однако не сказывали, чтобъ притомъ найденъ съ нею былъ и младенецъ; а сіе меня нѣсколько порадовало. Но сколько я потóмъ потаенно о моемъ сынѣ ни развѣдывала; однако со всѣмъ ничего не могла провѣдать, и я думала на вѣки его лишиться; какъ въ сію минуту, милостивой государь, узнала я его въ семъ молодомъ человѣкѣ по пятну, которое я у него на грудѝ такъ, какъ и у Сучюгмѣ, сестры̀ его. И конечно продолжала Дюгме, было дѣйствіе натуры, что когда идучи съ Вашимъ Величествомъ назадъ тому мѣсяца съ два, мимо лавки Курбановой, я вдругъ почувство-

вала

вала къ сему молодому портному нѣкоторую безвинную склонность, не зная сама потаенной тому причины, и я одна, милостивой государь, подъ тѣмъ видомъ, чтобъ здѣлать платье для моей дочери, и прекрасной Зебдъ-Эль-Катоны, подкупила Вашихъ евнуховъ, чтобъ впустить его въ женскїе покои; и такъ накажите во мнѣ одной причину Вашего злополучїя.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

Шемсъ-Эддинопой

Астраханской царь, слыша сїе, несказанно изумился, хотя тогдашнее его состоянїе долженствовало бъ единственно его побуждать къ отмщенїю. Онъ немедленно велѣлъ привести предъ себя портнаго и съ его женою, которой

Шемсъ - Эддинъ назывался сыномъ. Между тѣмъ какъ за ними пошли перевязывали его рану, и Шемсъ Эддинъ съ превеликимъ отчаянїемъ видѣлъ изъ глазъ доктора, которой прикладывалъ первой пластырь что сей государь весьма уже опасенъ.

Наконецъ портной съ своею женою пришедши объявили, что Шемсъ-Эддинъ неродной ихъ сынъ: что тому около осьмнатцати лѣтъ, какъ принесъ его къ нимъ одинъ Дервишъ, которой имъ сказывалъ, что онъ, пришедъ съ рыбной ловли, нашелъ его въ своей хижинѣ со всѣмъ нагова, и что сей пустынникъ чрезъ три мѣсяца потомъ умеръ скоропостижно, ничего больше о томъ имъ не объявя.

Какъ день, въ которой Шемсъ-Эддинъ принесенъ былъ къ Курбану,

ну, по справкѣ былъ самой тотъ, въ которой родилась Сучюме, и пятно, которое у него также, какъ и у сестры̀ его было, совершенно увѣрили царя, что онъ его сынъ; то онъ подозвавъ его къ себѣ, обнялъ; и велѣлъ его одѣть въ пребогатое платье.

Сколько съ одной стороны̀ Шемсъ-Эддинъ радовался знатному своему рожденїю, столько съ другой крайне печалился. Онъ бросился Алзалегу въ но́ги, и заливщись слезами ему говорилъ: Милостивой государь, я съ нетерпѣливостїю ожидаю смерти, и по учиненїи такого злодѣйства, не могу безъ ужаса смотрѣть на себя. Очистите натуру отъ такого урода, каковъ я, и сей только одной милости требуетъ отъ Васъ нечестивой Вашъ сынъ. Нѣтъ! нѣтъ,

 любез-

любезной мой Шемсъ-Эддинъ отвѣчалъ ему царь, паки его обнявши: не ты причиною моей смерти, нельзя ужѐ того избѣжать, что предписано на таблицѣ (*) свѣтила. Живи, я тебѣ приказываю, и вели немедленно собрать всѣхъ моихъ Визирей, и Эмировъ Астраханскихъ. Я хочу въ ихъ присутствіи признать тебя за моего сына и наслѣдника.

Шемсъ-Эддинъ, чувствуя толикую милость царя, своего отца, обнималъ его нóги съ почтеніемъ, и не очень торопился исполнять его повелѣнія. Но какъ Султанша Дюгме, ни мало не тратя времени, разо-

(*) Наибольшая часть восточныхъ народовъ вѣрятъ, что все, что ни было, и что впредь ни будетъ даже до скончанія міра, написано на дскѣ свѣтила огненнымъ перомъ, и сіе писаніе называютъ они: *предопредѣленіе неизбѣжное.*

разослала сей приказъ съ двенатцатью черными невольниками, то царскіе покои тотчасъ послѣ того наполнились знатнѣйшими его придворными.

Сей государь лежа на софѣ, на́чалъ имъ говорить: Ангелъ смерти отъ меня ужѐ не далеко, и я чувствую, что скоро буду покоиться подъ кровомъ милосердія Всемогущаго. Вотъ Визири, продолжалъ онъ тихимъ голосомъ, вотъ вашъ государь, указывая на молодова Шемсъ-Эддина. Это мой и Султанши Дюгме сынъ, я приказываю вамъ почитать его такъ, какъ вашего Хана.

Визири и Эмиры весьма изумились о толь скоропостижной Алзалеговой смерти, и равномѣрно жъ не знали, чтобъ у него когда былъ

сынъ:

сынъ: но какъ Султанша разсказала имъ вкратцѣ исторїю молодаго портнаго; то они повергли себя лицомъ на землю, и клялись своими головами повиноваться ему до смерти.

Лишъ только сїя церемонїя окончилась, то царь подозвалъ къ своей софѣ Султаншу свою супругу, Сучюме и Зебдъ-Эль-Катону. Любезная моя Дюгме, говорилъ онъ первой: я довольно знаю, сколь несправедливо поступалъ я противъ Васъ, любя прекрасную Зебдъ-Эль-Катону, которая всегда за мою любовь платила мнѣ неблагодарностїю, вы не заслужили такой съ моей стороны невѣрности, и я съ крайнею печалїю умираю, нарушивъ мою присягу, которою я вамъ столько разъ клялся, чтобъ только васъ одну любить.

бить. Ахъ! милостивой государь, отвѣчала Дюгме, заливившись вся слезами: сколько къ Вашему Величеству горячности я ни чувствовала; однако никогда не хотѣла препятствовать Вамъ въ Вашихъ веселіяхъ. Я любила Васъ, милостивый государь, для Васъ самого, и Вы никогда не видали, чтобъ я смотрѣла когда завистливымъ окомъ на Зебдъ-Эль-Катону. Сколь ни чувствительно мнѣ было потеряніе Вашего се́рдца, но довольно, что Вамъ было то мило, чтобъ я не роптала противъ самодержавной Вашей власти.

Царь въ самое сіе время почувствовалъ въ себѣ большую любовь къ Султаншѣ, и обнявъ ея любезно, говорилъ ей: я докажу тебѣ, любезная моя Дюгме, справедливость моихъ словъ: прекрасная

сная Зебдъ-Эль-Катона больше меня не прельщаетъ, и для большаго въ томъ увѣренія, прошу ея, при Васъ дать руку Принцу, моему сыну. Чтожъ касается до моей дочери, то Визирь Бенъ-Букаръ.. И выговоривъ сїи послѣднїя слова, не могъ ужѐ окончать своего завѣщанїя о своей дочери, но такъ и умеръ въ рукахъ Султанши.

Не можно себѣ представить, въ какомъ находился тогда отчаянїи Шемсъ-Эддинъ. Онъ столь сильно рвался и тосковалъ, что едва было и жизни своей не прекратилъ. Мать его, сестра и Зебдъ-Эль-Катона ни на часъ отъ него не отходили; особливо же послѣдняя освободившись царя, котораго непрїятная ей любовь, хотя и почтительная, заставляла нѣсколько разъ опасаться, несказанно старалась

объ утѣшенїи Шемсъ - Эддина. Но онъ ничего того не чувствуя, въ такую глубокую впалъ задумчивость, что опасались о его жизни.

Во всѣхъ Астраханскихъ мечетахъ учредили всенародныя молитвы, которыя нѣсколько умилостивили гнѣвъ великаго пророка на новаго царя. Онъ сталъ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ спокойнѣе, и наградивъ довольно портнаго и его жену за оказанную ему любовь, выдалъ Сучюме за Визиря бенъ-букара, думая, что такое желанїе было царя, его отца, а самъ женился публично на прекрасной Зебдъ-Эль-Катонѣ.

Сей государь около пяти мѣсяцовъ жилъ съ любезною своею супругою во всякомъ совершенномъ благополучїи. Дни казались ему

съ

съ нею за минуты; но сїе благополучїе пресѣклось вдругъ ужасными привидѣнїями, которыя почти всегда представляли ему отца лѣжащаго въ кровѝ. Зебдъ-Эль-Катона тщетно старалась прїятнѣйшими своими ласками выгнать у него изъ ума такїя безпокойныя мысли. Онъ непрестанно угрызаемъ былъ совѣстїю въ отцеубїйствѣ, и не могъ къ прекращенїю того инаго способа найти, какъ ѣхать въ Мекку. (*)

Зебдъ-Эль-Катона, не хотя отъ него отстать, прилѣжно его просила взять ея съ собою; въ чемъ Шемсъ-

(*) Мекка городъ въ щастливой Аравїи; ѣзды одинъ день отъ Чермнаго моря; есть мѣсто рожденїя Магометова. Въ семъ городѣ есть великолѣпнѣйшей мечеть, въ которой по обѣщанїю весьма много Турковъ со всѣхъ сторонъ приходятъ.

Шемсъ-Эддинъ не могъ ей и отказать; поруча же правленіе въ отсутствіе свое шурину своему Визирю бенъ-букару, и приказавъ не оставлять свою мать и сестру, самъ изъ Астрахани поѣхалъ.

По весьма долговременномъ пути, въ которомъ Шемсъ-Эддинъ и съ супругою своею претерпѣли много нуждъ, наконецъ прибыли въ Мекку. Шемсъ-Эддинъ обошелъ тамъ семь разъ вкругъ мечета, и очистившись водою изъ колодезя, называемаго Земъземъ (*), пошелъ

(*) Тамъ же есть колодезь, называемой Земъземъ, которой почитается за колодезь Авраамовъ, вода въ немъ соленая, и думаютъ, что омывшись тою водою, наитяжчайшіе грѣхи оставляются. Потомъ ходятъ на-гору Арафатскую для принесенія въ жертву одного, или многихъ барановъ, которыхъ раздѣляютъ нищимъ; а оттуда обыкновенно проходятъ въ Медину,

пошелъ на́-гору Арафатскую, гдѣ велѣлъ заколоть двѣсти барановъ, и раздѣлилъ ихъ бѣднымъ. Потомъ пошелъ въ Медину, по обѣщанїю молиться въ тамошнемъ мечетѣ, и положивъ въ оной въ кладу сорокъ тысячь червонныхъ, также какъ и въ Меккѣ, присталъ къ каравану, и продолжалъ свой путь до великаго (*) Каира безъ всякаго

Медину, гдѣ поставленъ гробъ ихъ пророка. Отъ Мекки до Медины разстоянїемъ на четыре дни.

(*) Великой Каиръ лежитъ на границахъ верьхняго и нижняго Египта, и почти посреди на 2000. шаговъ отъ Нила. Въ разсужденїи великой коммерцїи прїѣжжаютъ туда всякїе народы, и около Октября мѣсяца караваны собравшїеся въ Каирѣ отправляются въ Мекку. Идущихъ же по обѣщанїю въ Мекку, столь много, что иногда и до-сорока тысячь ихъ бываетъ, и у восточныхъ народовъ не почитаютъ того за добраго Музульмана, которой бы не сходилъ въ свою жизнь

всякаго приключенія. Шемсъ-Эддинъ не мучился ужѐ больше такими привидѣніями, которыя столь часто прерывали сонъ его. Онъ началъ наслаждаться спокойнымъ благополучіемъ, и приготовлялся было ѣхать въ свое владѣніе, какъ прекрасная Зебдъ-Эль-Катона занемогла жестокою горячкою, которая не позволяла имъ отправиться вмѣстѣ съ караваномъ; но сей государь еще больше возъимѣлъ причину печалиться, когда болѣзнь его супруги столь сильно умножилась, что онъ опасался о ея жизни. Она потеряла всѣ чувства, и будучи въ такомъ состояніи близъ двухъ дней; наконецъ опамятовавшись могла выговорить для приведенія Шемсъ-Эддина въ большую

жизнь однажды въ Мекку и въ Медину, или бы кого инаго вмѣсто себя не послалъ.

шую горесть, слѣдующія толь
слова:

Я съ тобою, любезной мо
супругъ, говорила она ему, обнявъ
его съ превеликою горячностію
на вѣки ужѐ разлучаюсь, и напе
редъ чувствую сколь несносно та
кое разлученіе; однако не должн
тебѣ по мнѣ тужить, ты пред
оставленъ къ лютѣйшимъ еще го
рестямъ. Мнѣ явился за нѣсколь
ко предъ симъ часовъ великой про
рокъ, и слѣдующее говорилъ: на
добно, сказалъ онъ мнѣ, чтобъ
государи сами на себѣ испытали
нѣкоторыя нещастія; злополучіе
просвѣщаетъ ихъ добродѣтель, и
научаетъ лучше подданными вла
дѣть. Шемсь-Эддинъ правду сію
скоро увидитъ надъ собою. Увѣ
домь его отъ меня, чтобъ онъ къ
тому преуготовлялся. Вотъ, про

должала

должала Зебдъ-Элъ-Катона заливши.ъ вся слезами, вотъ, что я имѣла тебѣ сказать. Сколько можно укрѣпляйся, чтобъ не роптать на провидѣніе. Прости любезной мой Шемсъ.... Принцесса едва сіи слова выговорила, какъ Ангелъ смерти пресѣкъ языкъ ея.

Отчаяніе Астраханскаго царя было несказанное, и не могли его оттащить отъ тѣла его супруги. Онъ лишившись ея, не могъ нимало утѣшиться; велѣлъ немедленно здѣлать коришневаго дерева ящикъ, въ которомъ прорѣзалъ только скважину надъ лицомъ, положилъ въ оной Зебдъ-Элъ-Катону, украся ящикъ драгоцѣнными каменьями, и съ своимъ конвоемъ, состоявшимъ изъ пяти сотъ человѣкъ, старался натнать караванъ, которой отправился въ путь за нѣсколько

сколько предъ тѣмъ дней, въ т
комъ намѣренїи, чтобъ нагнавш
оной, тѣло любезной своей супр
ги балсамировать.

На другой день сего госуд
ря, напали на него около двух
тысячь (*) бедуанцовъ. Онъ с
противлялся имъ весьма храбр
но какъ весь его конвой, выкл
чая ниодного человѣка, былъ п
битъ весь на́-голо́ву: то и о
остался въ числѣ мертвыхъ. Бед
анцы послѣ побѣды своихъ непрї
телей начали всѣхъ обдирать,
увезли все, что у нихъ ни было
не позабывъ и ящика украшенна
каменьями, въ которомъ положен
была Зебдъ-Эль-Катона.

Шемсъ

(*) Бедуанцы называются Арабскїе разбой
ники, которые собираются весьма много
численными шайками, и нападаютъ н
карабаны, кои обыкновенно они разгра
бляютъ.

Шемсъ-Эддинъ, обороняясь какъ левъ, не получилъ ни одной смертельной раны, и не столько отъ потерянія крови, какъ отъ истощенія силъ своихъ упалъ между мертвыми; и когда онъ опамятовался, то весьма удивился, видя себя со всѣмъ нагаго, и окруженнаго своими людьми, изъ которыхъ ни одного живаго не было. Какое то было печальное для сего государя позорище! Вставши онъ на великую силу, и не позабывъ о любезной своей супругѣ, сколько слабъ ни былъ, все сіе мѣсто обошелъ, чтобъ поискать, не оставили ли разбойники того ящика, въ которомъ лежала Зебдъ-Эль-Катона, ободравъ всѣ съ ней каменья. Но все его стараніе было безполезно, и съ отчаянія едва было не умеръ; однако оставя сіе столь для него печальное мѣсто,

и идучи около часа не зная куда и самъ, пришелъ напослѣдокъ въ маленькую деревушку, при входѣ въ которую попался ему (*) Имамъ. Сей увидя Шемсъ-Эддина со всѣмъ нагаго и въ крови, сперьва было испугался; но какъ онъ, утаивъ о своемъ имени, расказалъ ему, что онъ спасся только одинъ отъ рукъ немилосердыхъ бедуанцовъ, то Имамъ сжалясь на него, взявъ его къ себѣ домой, велѣлъ ему перевязать раны, и потомъ далъ нѣсколько ему денегъ, съ которыми сей государь пошелъ въ свое владѣнiе.

По долговременной и трудной дорогѣ, которою Шемсъ-Эддинъ отчасти шелъ одинъ, а отчасти съ нѣкоторыми не большими караванами, которые не оставляли его въ

нуждѣ,

(*) Магометанской попъ.

уждѣ, пришелъ онъ наконецъ на
ространное поле разстоянїемъ на
олмили отъ Астрахани. Тутъ
видѣлъ онъ племянника, Визиря
воего шурина, и побѣжавъ къ не-
у съ распростертыми руками, го-
орилъ ему: узнай, любезной мой
земинъ, узнай, нещастливѣйшаго
Шемсъ-Эддина, которой чрезъ
цѣлые три года подверженъ былъ
такимъ злополучїямъ и бѣдности
которой и слышать ужасно. Зе-
минъ, увидя своего царя, изумился:
хотя отъ дальной дороги, отъ
претерпѣннаго нещастїя и въ ху-
домъ притомъ платьѣ, Шемсъ-
Эддинъ и весьма много перемѣ-
нился; однако онъ могъ узнать.
Онъ повергнулъ себя предъ нимъ
лицомъ на землю съ искреннимъ
почтенїемъ, и снявъ съ себя платье,
надѣлъ на своего государя, и про-
велъ его во дворецъ по глухимъ

и малолюднымъ улицамъ. Но въ какомъ удивленіи былъ Шемсъ-Эддинъ, вошедъ во дворецъ, когда увидѣлъ, что тотже самой Земинъ, которой незадолго предъ тѣмъ оказывалъ ему толикое почтеніе, накладывалъ на него цѣпи! Онъ тогда съ несказанною горестію увѣдомился, что безчеловѣчной Бенъ-Букаръ его шуринъ умертвивъ изъ своихъ рукъ жену свою и Султаншу Дюгме, овладѣлъ ханствомъ, казнилъ всѣхъ вѣрныхъ ему подданныхъ, также и тѣхъ, которые противилися вступленію его на престолъ, и что онъ самъ долженъ скоро готовиться къ такому же жребію.

Шемсъ-Эддинъ, услыша сіе весь одеревенѣлъ, и сперьва вошелъ было въ ярость, но вспомнивъ последнія Зебдъ-Эль-Катоновы слова

въ тоже часъ положился на волю Всемогущаго, размышляя въ себѣ: богъ есть справедливъ, я еще мало наказанъ за мои грѣхи; но что здѣлали мать моя и сестра, что такую ругательную смерть приняли? Но я уповаю, что смерть ихъ не долго останется безъ наказанія.

Сей государь не успѣлъ еще сихъ словъ окончать, какъ злодѣй вошелъ съ четырьмя палачами въ ту залу, въ которой былъ Шемсъ-Эддинъ. Присутствіе Визиря его устрашило: ахъ! безчеловѣчной Визирь, закричалъ онъ ему, какъ скоро издали его увидѣлъ, знать совершить хочешь твое злодѣйство? Кровь жены твоей, и моей матери, которая довольно уже противъ тебя вопіетъ, не можешь ли угасить твое варварство? Вотъ голо-

ва̀ моя, руби; но помни, что предъ судомъ божїимъ изобли неистовыя твои дѣла̀, и ког Ангели засвидѣтельствуютъ томъ мою справедливость, то в сїя сила, отъ которой дрожатъ трепещутъ мои подданные, поможетъ тебѣ, чтобъ ты былъ осужденъ, и жестоко не н казанъ за твои убїйства.

Такой жестокой выговоръ пр велъ злодѣя въ изумленїе; онъ въ состоянїи былъ тогда приказат казнить законнаго своего государ Сихъ угрозъ онъ устрашился, думалъ, что ужѐ рука божїя над его головою; но только удовол ствовался тѣмъ, чтобъ Шемс Эддина привести не въ состоянї вступить на престолъ; и для то го велѣлъ многократно держат предъ его глазами каленое желѣзо

которое лишило его зрѣнія, и потомъ заключилъ его въ темницу.

Не проходило ни одного дня, чтобъ Астраханской царь хотя въ превеликомъ нещастіи и несказанной горести не признавалъ съ благоговѣніемъ воли Провидѣнія, и чтобъ не благодарилъ бога, что онъ за его грѣхи столь милостиво наказуетъ. Но въ одну ночь, какъ онъ отъ печали нѣсколько освободившись, мало заснулъ, то видѣлъ во снѣ великаго пророка, которой державъ за-руку Зебдъ-Эль-Катону, обнадеживалъ его о перемѣнѣ состоянія его, и обѣщалъ наконецъ ему совершенное благополучіе съ его супругою.

Шемсъ-Эддинъ вдругъ пробудился. Сіе привидѣніе показалось ему страннымъ, и столь неоснова-

тельнымъ, что онъ о томъ почти и не думалъ, и еще больше свою печаль умножилъ, однако нѣкоторая часть сего предсказанія скоро потомъ збылася.

Въ одно утро, какъ онъ лежа на земли отправлялъ свою молитву, услышалъ, что съ великимъ стукомъ отворяются двери въ его тюрьмѣ, и какъ думалъ, что хотятъ предать его смерти, то онъ не вставая съ земли, ожидалъ былъ смертоноснаго удара съ нетерпѣливостію, какъ двое изъ прежнихъ его Визирей, которыхъ усердіе и добродѣтель были извѣстны, бросились ему въ ноги: милостивой государь, говорилъ одинъ изъ нихъ, признайте голосъ Мютамгида и Кюберге вѣрныхъ вашихъ рабовъ. Неблагодарной Визирь, котораго вы толикими благодѣяніями наградили,

градили, умерщвленъ нашими руками и съ бездѣльнымъ Земиномъ. Народъ отяхченъ будучи его лютостїю, весьма тому радуется. Оной не зналъ о вашемъ возвращенїи; но мы его о томъ увѣдомили, и притворялись держать сторону бенъ-букарову только для того, чтобъ тѣмъ удобнѣе могли его свергнуть съ престола, которой похитилъ онъ толикимъ безчеловѣчїемъ. Вступите вы на оной, милостивой государь, ибо всѣ ваши подданные желаютъ законнаго своего государя съ чрезвычайною нетерпѣливостїю.

Шемсъ-Эддинъ прославлялъ тогда бога, и благодарилъ Визирей за ихъ усердїе. Но какъ, говорилъ онъ имъ, благоразумные друзья, желаете вы, чтобъ вступилъ опять на престолъ такой бещастной го-

сударь, какъ я? да и въ состояні
ли я вами управлять: нѣтъ, нѣт
Визири, изберите кого нибудь из
васъ къ тому способнаго, а ме
оставьте съ покоемъ оплакиват
мои нещастія. Ахъ! милостив
государь, отвѣчалъ Мютамгидъ, пр
зрѣніе, которое имѣете вы къ вы-
сокому достоинству, есть истин-
нымъ знакомъ, что никто достой
нѣе васъ царствовать не можетъ
помилуйте, и не оставьте прошені
вашихъ рабовъ; а мы готовы про
лить кровь свою, чтобъ васъ со
хранить на престолѣ, которымъ
вы ужѐ столь достойно упра
вляли.

Царь Астраханской, преклоненъ
будучи сими искренности наполнен-
ными словами, облокотился на обѣ-
ихъ своихъ Визирей, которые по-
вели его въ дворцовую баню, и
одѣвъ

одѣвъ въ великолѣпное платье, представили его народу, которой нетерпѣливость свою видѣть его на престолѣ своихъ прародителей, изъявлялъ многимъ радостнымъ восклицанїемъ.

Сколько Шемсъ-Эддинъ ни чувствовалъ радости, узная къ себѣ любовь своихъ подданныхъ, однако всегда потаенно плакалъ о потерянїи любезной своей Зебдъ-Эль-Катоны, и лишенїи своего зрѣнїя. Тщетно наискуснѣйшїе доктора и лекари Астраханскїе пробовали надъ нимъ свои лекарства; и наконецъ сказали, что нѣтъ нималой надежды, чтобъ когда сей государь свѣтъ солнечной видѣлъ. Въ томъ числѣ былъ одинъ, именемъ Абюбекеръ, которой говорилъ царю, что онъ помнитъ, читая въ древней Арабской рукописной книгѣ, что

есть на островѣ (*) Серендибѣ одна птица, которая можетъ дать зрѣніе, но что кромѣ великихъ трудностей, какъ оную найти и подойти къ оной въ справедливости онаго онъ не ручается. Птица, продолжалъ докторъ, сидитъ на вершинѣ превысокаго дерева, у котораго листья такъ жостки, какъ желѣзо, и остры, какъ бритва; надобно, милостивой государь, чтобъ женщина для прозрѣнія своего слѣпова

(*) Островъ Серендибъ по нынѣшнимъ Географамъ есть островъ Цейланъ на Индѣйскомъ морѣ, около мыса Коморина, по сю сторону Бенгальскаго залива и линеи, въ первомъ климатѣ. Ночи и дни тамъ всегда бываютъ по 12. часовъ. Столичной городъ лежитъ на прекрасной долинѣ, окруженной горою, которая стоитъ посреди острова, называемаго *Адамовъ столпъ*; ибо увѣряютъ, что первой человѣкъ сотворенъ былъ на оной, и погребенъ подъ оною же. Сія гора почитается наивысочайшею изъ всей Индіи.

пова мужа, взошла на сїе дерево по вѣтьвямъ, и естьли любовь ея къ своему мужу всегда была постоянная и непорочная, то листья отъ рукъ ея здѣлаются мягкими, и она лехко можетъ взлесть на верьхъ де́рева, и почерпнуть изъ золотаго сосуда, повѣшеннаго на шеѣ той птицы, нѣкотораго бѣлаго сока, наподобїе молока̀, которой непрестанно каплетъ изъ ея носа. Сей сокъ, какъ пишетъ въ Арабской книгѣ, можетъ совершенно дать прозрѣнїе, кто бы онаго какимъ бы случаемъ ни лишился, да и тѣмъ самимъ, которые родились слѣпыми, почерпнувши же сего божественнаго сока, сойдетъ сна также лехко какъ и взошла: но естьли женщина, которая осмѣлится на сїе дерево взлѣсть, хотя малое что когда нибудь подумала противное чистотѣ брака, или хотя на

одинъ часъ переставала имѣть к своему мужу чрезвычайную любов то отъ безразсуднаго дерзновені несомнѣнно себѣ смерть получитъ хотя листья при всходѣ ея на де рево и здѣлаются мягки. Но когд станетъ сходить, то по прежнем здѣлаются остры, и она, упада съ одной вѣтьви на другую, из рѣзана будетъ въ мѣлкія части Впрочемъ я думаю, милостивой госу дарь, продолжалъ Абюбекеръ, что сіе дерево, естьли оно подлинно есть, стоитъ еще невредимо, что ни одна женщина не отважи валась итти за такою вещью, ко торую доставать столь трудно опасно.

Шемсъ-Эддинъ слушалъ сію повѣсть съ удивленіемъ. Не льзя статься, говорилъ онъ, чтобъ въ семъ городѣ нашлась такая жен-

щина; но хотя сїе и весьма рѣдко бываетъ, однако надлежитъ апробовать, не можемъ ли мы найти такого сокровища.

Для сего намѣренїя по царскому указу созывали по Астрхани всѣхъ женъ, не выключая ни одной, у которыхъ мужья слѣпы были. Абюбекеръ въ присутствїи царя имъ предлагалъ оное, и царь обѣщалъ той безмѣрное награжденїе, которая возвратитъ ему зрѣнїе; однако ни одной не выискалось охотницы, которая бы хотѣла взойти на дерево, потому что договоръ былъ очень строгой, а смерть извѣстная; и такъ всѣ въ томъ отказали.

Прочїе Астраханскїе доктора̀ весьма между собою смѣялись цареву легковѣрїю: сей новой родъ лекарства, говорили они, есть басня

сня выдумки Абюбекеровой, которой хочетъ себя показать разумнымъ чаловѣкомъ; онъ вступаетъ въ чудныя дѣла̀, и всегда отличаетъ себя отъ насъ какою нибудь новою и странною выдумкою.

Сїи рѣчи дошли до Абюбекера которому весьма то досадно было. Сносно ли это, говорилъ онъ женѣ своей и сыну, чтобъ усердїе, которое имѣю я о ханскомъ здоровьѣ превращать въ шутку? Такъ я самъ поѣду въ Серендибъ, и посмотрю, справедливо ли о томъ писано: естьли намѣренїе мое по желанїю моему не исполнится, то по крайней мѣрѣ буду имѣть удовольствїе, что я для государя своего больше одинъ здѣлалъ, нежели всѣ прочїе Астраханскїе доктора̀.

Отъ

Отъ сего намѣренія ничто не могло его отвратить. Дальняя и трудная дорóга его не устрашали. На другой же день пошелъ онъ къ царю, и объявилъ ему свое намѣреніе.

Сей государь весьма похвалилъ столь важное его предпріятіе, велѣлъ ему выдать все, что потребно для такой дальной дорóги, и обѣщалъ, естьли паче чаянія онъ на дорогѣ умретъ, имѣть попеченіе о его женѣ, и одномъ сынѣ, котораго любилъ онъ чрезвычайно. Милостивой государь, говорилъ докторъ, прощаясь съ Шемсъ-Эддиномъ, естьли я не возвращусь чрезъ три года, то извольте быть увѣрены, что смерть, или другое какое приключеніе, котораго я предвидѣть не могу, будутъ препятствовать моему желанію, чтобъ зрѣ-

ніе

нїе вамъ возвратить; но соверше
но полагаясь на Арабское писанїе
надѣюсь, что моя ѣзда не безпол
на будетъ. Потомъ Абюбекер
поѣхалъ въ Серендибъ, и Астраха
скїе доктора съ великою завистїю в
дѣли, что царь къ нему сто
милостивъ здѣлался.

Шемсъ-Эддинъ въ цвѣтущих
своихъ лѣтахъ, и хотя со всѣм
былъ слѣпъ, управлялъ своим
подданными съ удивительнымъ бл
горазумїемъ. Сидя въ своихъ п
márkoyяхъ непрестанно выдумывалъ он
способы для ихъ благополучїя,
до возвращенїя Абюбекерова, пол
жилъ себѣ такой ненарушимо
законъ, чтобъ являться народу н
всякой день по одному только часу
которой раздѣлилъ на четыре по
чти равныя части. Въ первую
ходилъ онъ въ большой Астрахан
ской

ской мечетъ для принесенія всенародно молитвы; вторая, третья, а иногда нѣсколько и четвертой назначены были для раздачи милостыни нищимъ, и для принимания словесныхъ или письменныхъ гражданскихъ жалобъ на народныхъ судей; по выслушаніи которыхъ приказывалъ двумъ Визирямъ Мютамгиду и Кюбергѣ, которымъ онъ по большей части свои дѣлà поручалъ, по разсмотренію наказывать ихъ, или лишать имѣнія, естьли того достойны будутъ; и съ такимъ праводушіемъ со всѣми поступалъ, что разсужденія его почитали за гаданіе. Что же касается до послѣдней четверти часа, то оную назначилъ для разговора съ разумными людьми. Въ семъ состояло веселіе его чрезъ цѣлой день; и когда доволенъ былъ ихъ разговорами, то за оное ихъ награ-

граждалъ. Слава, чтобъ забавляти царя, которой почти всегда казался быть въ глубокой задумчивости, болѣе всего поощряла его подданныхъ къ сысканїю такихъ людей, которые могли бъ печаль его разбивать, разсказывая веселыя исторїи. Естьли въ Астрахани покажется какой новопрїѣжжїй, то представляли его тотчасъ Шемсъ Эддину, и когда тутошнїе жители знали что нибудь достойнаго любопытства; то тотчасъ приходили для представленїя себя своему государю, чтобъ его нѣсколько развеселить.

Ужѐ болѣе двухъ лѣтъ прошло, какъ Абюбекеръ поѣхалъ въ островъ Серендибъ, и что царь, наблюдая точно предписанное себѣ пра́вило, ни одного дня не пропускалъ, чтобъ нѣсколько минутъ

такимъ

такимъ образомъ не повеселиться; какъ въ одно время Визири разговорились промежъ собою о поѣздкѣ Абюбекеровой: Естьли бъ сей докторъ, говорилъ одинъ изъ нихъ, не былъ обманщикъ, и хотябъ въ уреченное время въ Астрахань возвратился; однако намъ весьма трудно будетъ сыскивать такихъ людей, которые могли бъ съ царемъ разговаривать. Онъ сїе поручилъ намъ, и хотя четверть часа скоро проходитъ, но какъ то по всякой день, то я опасаюсь, что мы напослѣдокъ ничего новаго для него найти не можемъ. Это очень жалко будетъ, отвѣчалъ другой Визирь: Хану весьма прїятно слышать всякой день какую нибудь новизну, и сїе, такъ сказать, единое только для него въ свѣтѣ утѣшенїе; ибо въ разсужденїи того, какъ сей государь поступаетъ, весе-

веселится онъ царствованїемъ толь-ко для того, чтобъ непрестанно стараться о благополучїи своихъ подданныхъ.

При семъ разговорѣ былъ одинъ Астраханской докторъ, и думая, что сей удобной есть случай къ у-довольствованїю своей и товарищей своихъ на Абюбекера зависти, го-ворилъ Визирямъ: Милостивые го-судари, всѣ разумные люди сход-ственнаго съ вами мнѣнїя; вы ко-нечно справедливо того опасаетесь; однако я знаю тому одинъ способъ: Бюбекеровъ сынъ, смѣясь вашему безпокойству, въ которомъ, какъ онъ предвидѣлъ, что вы находить-ся будете, вчера при мнѣ хва-сталъ, что онъ бы и одинъ, есть-либъ того захотѣлъ, могъ царя забавлять разговорами своими до возвращенїя отца своего; правда,

сей

сей молодецъ весьма достойной, и около десяти лѣтъ съ крайнимъ прилѣжанїемъ читалъ всѣ любопытныя книги, сколько ихъ ни есть; но не взирая на преострую его память, которую, какъ сказываютъ, онъ имѣетъ, я весьма сомнѣваюсь, чтобъ онъ могъ столь трудное предпрїятїе исполнить.

Кюберге хвастовству Абюбекерова сына только лишъ посмѣялся; но Мютамгидъ жестоко за то разсердясь, говорилъ: пристойной ли такому молокососу столь не къ стати шутить? А когда онъ такъ хвалится; то я хочу, чтобъ онъ свое слово здержалъ; въ противномъ же случаѣ за свое хвастовство отвѣтствовать мнѣ будетъ своею головою.

И послалъ тогда же по Бенъ-Еридуна (такъ назывался Абюбе-

керовъ

керовъ сынъ); и какъ скоро онъ пришелъ, то онъ ему говорилъ: Сей докторъ сказываетъ мнѣ, что ты отваживаешся моему съ Куберге безпокойству, и притомъ хвастаешь, что ты до возвращенія твоего отца, одинъ можешь забавлять Хана твоими разговорами и когда ты на такія рѣчи столь дерзокъ, то исполняй же оныя самимъ дѣломъ; я при всѣхъ сихъ твоихъ разговорахъ самъ буду, и напередъ тебѣ сказываю, что естьли царь, прискуча твоими разговорами, прикажетъ вмѣсто тебя привести другаго, то я немедленно повелю тебѣ голову срубить. Сіи слова̀, продолжалъ Мютамгидъ, такимъ свирѣпымъ голосомъ, который въ состояніи былъ устрашить бенъ-Эридуна.

бенъ-Эридунъ такому приказанію весьма удивился, и столько

гнѣву

гнѣву видѣлъ на Визирьскомъ лицѣ, что не смѣлъ въ хвастовствѣ своемъ отпереться. Но полагаясь на многое чтенїе книгъ и дарованную отъ природы острую память, бросясь Мютамгиду въ ноги, милостивой государь, говорилъ ему, хотя бы я и много могъ предъявить вамъ въ мое оправданїе, однако ту честь, чтобъ говорить съ царемъ столь за велико я почитаю, что не могу противиться самовластному вашему повелѣнїю, хотя бы оное и жизни моей стоило, и я готовъ итти предъ Шемсъ-Эддина.

Коварной докторъ, которой остался съ Визирями, чтобъ быть очевидцомъ, что будетъ между ими произходить, отвѣту бенъ-Эридунову нѣсколько удивился, однакожъ не сомнѣвался о его погибели. Человѣкъ, будучи въ двац-

цать лѣтъ, думалъ онъ самъ в себѣ, не можетъ столь много пріобрѣсти знанія, чтобъ исполнить такое предпріятіе. Онъ тотчас побѣжалъ увѣдомить о томъ своихъ товарищей, которые том чрезвычайно обрадовались, и зараннѣе веселились, что могутъ отмстить Абюбекеру въ его сынѣ.

Визирь Мютамгидъ, видя предданность и униженіе бенъ-Эридуново, нѣсколько одумался; естьли говорилъ онъ ему, съ одной стороны извѣстная тебѣ смерть, когда ты не здержишь твоего слова, то напротивъ того съ другой несомнѣнное награжденіе, когда обѣщаніе твое исполнишь. Всякой разъ, когда ты выдешь отъ царя, велю тебѣ выдавать по сту червонныхъ, а притомъ хочу, чтобъ ты ѣлъ со мною за однимъ

столомъ, служили бы тебѣ такъ какъ мнѣ служатъ, и словомъ, между нами никакой разницы не будетъ, кромѣ того, что тебя никуда выпускать не будутъ. Милостивой государь, отвѣчалъ бенъ-Эридунъ, я должность мою исполнять буду ни для награжденія, ни для великихъ вашихъ обѣщаній; Философія, которой я учился, велитъ презирать всякое богатство, но единственно для одной чести и славы; а естьли бы приказаніе ваше имѣло въ себѣ что нибудь тому противнаго, то бы вы увидѣли, что я бы лучше мучительную смерть принялъ, нежели бъ вамъ повиновался: но какъ сіе требуемое вами заключаетъ въ себѣ только честь, то изволте, когда вамъ угодно, въ томъ меня апробовать; я стараться буду опровергнуть сѣти моихъ непріятелей, и надѣюсь,

что государь мой доволенъ мною будетъ.

Мютамгиду разумныя бенъ-Эридуновы слова̀ весьма полюбились, и онъ ясно увидѣлъ лукавство стараго до́ктора, и что сей молодой человѣкъ не виноватъ въ томъ, въ чемъ его обвиняли: но какъ онъ, такъ сказать, добровольно желалъ забавлять своего царя, то и представленъ былъ къ оному на другой день. Какъ скоро бенъ-Эридунъ пришелъ предъ тронъ Шемсъ-Эддиновъ, то повергнулъ себя лицемъ на землю, а пото́мъ вставши говорилъ царю; да изліется на Ваше Величество благодать Всемогущаго, и Ангелъ, которой имѣетъ Васъ нѣкогда предъ его престолъ представить, да не забудетъ ни единаго добраго Вашего дѣла, и да даруетъ богъ наслаждаться Вамъ

на

навсегда совершеннымъ благополучїемъ, которое обѣщаетъ великїй нашъ пророкъ всѣмъ наблюдающимъ законъ его! Я есмь сынъ Абюбекеровъ, которой ужѐ около двухъ лѣтъ поѣхалъ на островъ Серендибъ; да возратитъ его небо скоряе въ сїи мѣста̀ съ божественнымъ лекарствомъ, за которымъ онъ поѣхалъ для возвращенїя Вамъ зрѣнїя! а до того времени намѣренъ я, милостивѣйшїй государь, всякой день съ Вашимъ Величествомъ говорить въ опредѣленные часы для Вашей забавы.

Съ разсужденїемъ ли ты симъ обязуешся, отвѣчалъ ему Астраханской царь, удивясь нѣсколько его обѣщанїю? Знаешь ли ты, что такое предприятїе выше силъ твоихъ, и что отецъ твой, можетъ быть, еще чрезъ годъ не возвратится.

тится. Милостивой государь, отвѣчалъ молодой Бенъ-Эридунъ, сколь ни трудно достойныя любопытства исторіи Вамъ разсказывать; однако я такое множество ихъ знаю одну другой лучше, что хотя бы отецъ мой еще вдвое долѣе проѣздилъ, то бы я не устрашился здержать своего слова, даннаго Визирю Мютамгиду; и естьли Ваше Величество изволите меня удостоить, то я начну Вамъ весьма любопытною повѣстію.

Шемсъ-Эддинъ еще больше прежняго удивился; надобно говорилъ онъ ему, чтобъ ты весьма особливой человѣкъ былъ, что трудности тебя не устрашаютъ. Напротивъ того, милостивой государь, отвѣчалъ Бенъ-Эридунъ, они меня поощряютъ: я такую острую имѣю память, что ничего

не

не забуду, что читалъ, или что слыхалъ; и какъ я за веселье себѣ почиталъ обходиться съ престарѣлыми и разумнѣйшими въ Астрахани людьми, изъ которыхъ ужè бóльшая половина померли, то я столько знаю разныхъ исторїй, что безъ хвастовства могу Ваше Величество увѣрить, что не много сыщется въ семъ городѣ мнѣ подобныхъ. Объ етомъ я самъ разсужу, отвѣчалъ ему царь. Сядь на софу подлѣ Мюшамгида, и раскавывай истрїю, о которой ты мнѣ говорилъ. Бенъ-Эридунъ, повинуясь Шемсъ-Эддинову приказанїю, на софу сѣлъ, и нáчалъ слѣдующимъ порядкомъ:

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

ПОВѢСТЬ

О Шерефъ-Эльдинѣ, сынѣ Ормусскаго царя и Тюлюфанской Принцессѣ Гюль-Гиндѣ.

Въ древнїя времена, милостивой государь, было въ великой Тартарїи два рода разныхъ духовъ; одни будучи склонны ко всякому добру, признавали за своего царя великаго (*) Жеонга, а другїе стараясь только дѣлать людямъ всякое зло, начальникомъ своимъ почитали неистоваго Зелулу.

Сїи два начальника духовъ около трехъ сотъ лѣтъ, безпрестанно находились между собою въ несо-

глясїи.

(*) Жеонга на Персидскомъ языкѣ значитъ царь свѣта.

гласіи. Кого защищалъ Жеонга, того немедленно старался гнать Зелулу; также и Зелулу не дѣлалъ ни одного худаго не земли дѣла, котораго бъ Жеонга не старался тотчасъ исправить.

Какъ нѣкогда сіи два духа были на берегу рѣки Салгоры для прекращенія своей ссоры, то Мохзадинъ, царь Тюлюфанской и съ прекрасною своею супругою Ризою, возвращаясь съ охоты за дикими козами, проѣхали мимо того мѣста, гдѣ сіи духи находились.

Зелулу, всегда имѣя склонность дѣлать зло, не хотѣлъ пропустить такого удобнаго случая для своей забавы, и не смотря на прозьбу Жеонгову. Сей злой духъ, приблизившись къ Ризѣ, которая ѣхала подлѣ Мохзадина, такъ сильно вдругъ

дунулъ лошади въ ухо, что она испужавшись цареву помчала, сколько она ни старалась ея удержать, и втащила-было въ рѣку, которая въ томъ мѣстѣ была очень глубока, естьли бъ Жеонга, подоспѣвъ ей на помощь, не срубилъ за одинъ махъ саблею лошади голову, и не удержалъ бы въ своихъ рукахъ царевы, которая отъ страху въ обморокъ упала. Сей добродѣтельной духъ далъ ей понюхать розовой цвѣтокъ, которой у него въ рукѣ тогда случился, и царева не только что опамятовалась, но и платье ея, которое было на ней зеленое, здѣлалось розоваго цвѣта; и безъ всякой перемѣны чертъ лица ея, красота ея столько умножилась, что Король самъ, которой весьма испужавшись погибели своей супруги, скакалъ за нею во весь лошадиной споръ, на

силу

силу могъ ея узнать. Онъ и вся его свита находились въ несказанномъ изумленіи. Необыкновенная смерть Ризиной лошади, платья розоваго цвѣта и чрезвычайная ея красота, а все сіе здѣланное въ толь короткое время; а отъ кого такія чудеса произошли, не извѣстно; ибо духи невидимы были, все сіе, говорю я, приводило Короля и Королеву въ сомнѣніе, и они сами не могли вѣрить своимъ глазамъ.

По возвращеніи въ Тюлюфанъ, вошедъ одни въ свою комнату, разговаривали они о семъ чудѣ съ удивленіемъ, какъ нечаянно объяты были ужасомъ и почтеніемъ, увидя нѣкотораго старика, которой вдругъ предъ ними показался, такъ что не могли они видѣть, откуда бы онъ вошелъ. Не бойтесь, мои

дѣти, говорилъ онъ имъ съ кротостїю: я есмь Жеонга царь духовъ, и я избавилъ прекрасную Ризу отъ погибели, въ которую было ввергнулъ ея испужавъ ея лошадь Зелулу, [которой на земли прославился премногими злыми дѣлами]. Это я здѣлалъ, продолжалъ онъ, чтобъ никто изъ женскаго пола прекраснѣе ея не былъ: но такими малыми благодѣянїями я не доволенъ, а хочу еще разрѣшить безплодность сей Принцессы; отъ нынѣшняго дня чрезъ девять мѣсяцовъ произведетъ она на свѣтъ дочь столь же прекрасную, какъ и сама она.

Сей духъ, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, выговоря сїи слова, опять вдругъ невидимъ сталъ, оставя Тюлюфанскаго Короля и Королеву въ несказанной о такомъ обна-

обнадеживанiи радости; сколь невѣроятны они ни были, однако стали вѣрить; ибо Риза, будучи за́-мужем семь лѣтъ, и не имѣя удовольствiя быть матерью, увидѣла скоро въ самомъ дѣйствiи Жеонгово обѣщанiе, и точно, по прошествiи девяти мѣсяцовъ, родила она дочь пресовершенной красоты, и дала ей имя Гюль-Гинди.

Лишъ только сiя Принцесса родилась, то вышепомянутой духъ опять показался въ комнатѣ у Ризы и Мохзадина. Я очень радуюсь, говорилъ онъ имъ, что имѣю случай помогать такому прекрасному созданiю, и пришелъ вамъ сказать, какая будетъ ей судьбина. Вчера былъ я при рожденiи у Короля Ормусскаго сына, котораго назвалъ Шерефъ-Эльдиномъ, и я столько

нахожу сходства и симпатіи между имъ и сею прекрасною Принцессою, что вознамѣрился соединить ихъ нѣкогда наисвятѣйшимъ; но только я предвижу, что благополучіе, которымъ должны они наслаждаться, прервется прежестокою горестію, отъ которой Гюль-Гинди весьма близко смерти будетъ, естьли познаются они между собою моложе семьнатцати лѣтъ. Вамъ, государь, продолжалъ духъ оборотившись къ Мохзадину, не надлежитъ допускать, чтобъ Принцесса какого либо чужестранца видѣла, пока не пройдетъ то время, которое какъ предвозвѣщаютъ мнѣ звѣзды, будетъ ей весьма нещастливо. Сей одинъ только я способъ нахожу, естьли вы не хотите ея отдать на мои руки, отъ котораго бы приключенія также и другихъ нещастій конечно бы я ея избавилъ. Мох-

Мохзадинъ и Риза удивились Жеонговымъ словамъ, и хотя вѣрили нѣсколько его предсказанїю, однако не хотѣли лишиться зрѣнїя такого младенца, котораго они столько лѣтъ желали. Они весьма учтиво просили духа, чтобъ онъ не прогнѣвался, есть ли оставятъ при себѣ маленькую дочь свою, и обнадежили его, что столько будутъ о ней стараться, что она во всякой безопасности будетъ отъ Принца Шерефъ-Эльдина. Дай боже, отвѣчалъ духъ, только смотрите, какъ скоро сей Принцессѣ десять лѣтъ исполнится, то не показывайте ея ни одному мущинѣ, и чѣмъ больше приближаться будетъ къ шеснатцатому году, тѣмъ большая для нея опасность. Потомъ взявъ ея къ себѣ на руки, одарилъ ея всѣми добрыми качествами, дѣлающими женщину

совер-

совершенною, и получа отъ царя и царевы множество благодаренїй, удалился отъ нихъ какъ молнїя.

Едва литъ, милостивой государь, продолжалъ бенъ-Эридунъ злой Зелулу, которой въ послѣднемъ съ Жеонгою сходьбищѣ помириться не могъ, провѣдалъ, что Жеонга здѣлалъ для Гюль-Гинди и Шерефъ-Эльдина, то вздумалъ для своего утѣшенїя жизнь сихъ двухъ младенцовъ здѣлать нещастливою, и для того полетѣвъ ночью во дворецъ царя Ормусскаго маленькаго Принца перенесъ къ Мохзадину, одѣвъ его въ Гюль-Гиндино платье, а сїю Принцессу переодѣвъ въ Шерефъ-Эльдиново, положилъ въ колыбель Принца Ормусскаго.

Легко можно разсудить объ удивленїи сихъ двухъ кормилицъ...

Въ семъ мѣстѣ бенъ-Эридунъ рѣчь свою перервалъ, при входѣ чернаго невольника, которой ежедневно приходилъ сказывать Астраханскому Хану, что ужѐ часъ прошолъ. Какъ скоро сей невольникъ войдетъ, то Шемсъ-Эддинъ вставши, пойдетъ въ свои покои, а бенъ-Эридунъ разсказывать перестанетъ, и начнетъ свою исторїю; естьли оную еще не окончилъ, то досказывать на другой день; а естьли окончилъ, то другую какую нибудь начнетъ.

Такимъ порядкомъ раздѣлена въ подлинникѣ Арабскомъ тысяча и одна четверть часа. Но я думая, что читателю гораздо прїятнѣе будетъ читать сїи повѣсти безъ прерывки, всѣ такїя повторенїя оставляю, безъ которыхъ бы обойтись не можно было.

ВТОРАЯ

ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Двѣ кормилицы, продолжалъ свою рѣчь слѣдующаго дня Бенъ-Эридунъ, весьма поутру изумились, увидя, что ихъ младенцы совсѣмъ переродились, и смотрѣли еще на нихъ съ превеликимъ удивленїемъ, какъ Зелулу показался той и другой въ образѣ престрашнаго карлы, и грозилъ сломить имъ шеи, естьли они о семъ превращенїи хотя малое что говорить будутъ, и пропалъ изъ ихъ глазъ, увѣривъ ихъ напередъ, что естьли прежде семьнатцати лѣтъ какимъ либо образомъ оное провѣдается, то они вѣчно попадутся въ его руки.

Сїи бѣдныя бабы такъ испужались, что не смѣли о томъ и рта отворить; ибо отъ того ихъ жизнь зависѣла, и духъ столько ихъ настра-

стращалъ, что лучше бы они всякія муки претерпѣли, нежели тайну сію открыть.

Такимъ образомъ Шерефъ-Эльдинъ воспитанъ былъ при дворѣ Короля Мохзадина, подъ именемъ Гюль-Гинди; а сія Принцесса возрастая подъ именемъ и платьемъ его, такъ совершенно въ короткое время выучилась всѣмъ тѣлеснымъ экзерциціямъ, что будучи пятьнатцати лѣтъ превосходила храбростію всѣхъ подданныхъ царя Ормусскаго.

Молодой Принцъ также воспитанъ былъ не по пристойности своему полу, но со всѣмъ противнымъ тому образомъ. Онъ обыкновенно упражнялся шить золотомъ, и какъ минуло ему десять лѣтъ, то по Жеонгову приказанію онъ

былъ

былЪ безвыходно вЪ своихЪ покояхЪ, вЪ которые, кромѢ царя Тюлюфанскаго ни одинЪ мущина впускаемЪ не былЪ, и покидалЪ тогда только свое титье, когда вздумается Ѣхать ему на охоту вЪ звѢринецЪ съ своими мамками и нѢсколькими евнухами.

Кормилица его, именемЪ Меру, которая при немЪ всегда была безотлучно, видя, что ему приближался шестнатцатой годЪ, накрѢпко ему подтверждала скрывать о своемЪ полѢ, и представляла, что отЪ того благополучїе его жизни зависѢло. Но для чего, говаривалЪ ей ШерефЪ - ЭльдинЪ, заливаясь слезами, воспитаютЪ меня какЪ дѢвицу, и лишаютЪ такихЪ наукЪ, которымЪ обучаютЪ ПринцовЪ мнѢ равномѢрныхЪ? И что за причина моимЪ родителямЪ

содер-

содержать меня въ праздности? Этово, отвѣчала Меру, я не знаю, но только извѣстно мнѣ, любезной мой Принцъ, или лучше моя Принцесса, ибо первымъ именемъ и называть васъ опасно, что въ ономъ и самъ Мохзадинъ съ Ризою ошибаются; они почитаютъ васъ за дочь, въ чѣмъ увѣрены они были своими глазами, но послѣ ужè дѣлà весьма перемѣнились. Теперь мнѣ вамъ говорить больше нечего, послѣ вы сами обстоятельнѣе провѣдаете; только для бога не наведите на себя нещастія, которое неотмѣнно надъ вами будетъ, ежели вы прежде семнатцати лѣтъ объявите о своемъ полѣ.

Принцъ удивляясь симъ рѣчамъ, весьма много о нихъ разсуждалъ; но не въ состояніи будучи отгадать оныхъ силы, вознамѣрился

послѣ-

послѣдовать разумнымъ совѣтамъ своей кормилицы, и для прогнанія своей скуки, ѣздилъ на охоту такъ часто, какъ только ему можно было.

Въ одинъ вечеръ Мохзадинъ и риза, разговаривая съ мнимою своею дочерью, Королева расказывала, какъ уже и прежде много разъ о ея рожденіи, и что царь духовъ обѣщалъ ея соединить съ сыномъ царя Ормусскаго. Сіи слова такъ часто повторяемыя проводили Принца въ отчаяніе. Онъ не зналъ что ему дѣлать, и наконецъ вздумалъ, чтобы съ нимъ ни случилось, на вѣки удалиться отъ такого мѣста, гдѣ препровождалъ онъ жизнь неприличную его пола. Сего намѣренія произвести въ дѣйство не очень легко было, потому что у всѣхъ воротъ стояли на карауле

раулѣ неусыпные евнухи: однако избралъ къ тому время, поѣхавъ на охоту, и взявъ съ собою два полные кошелька червонныхъ и множество драгоцѣнныхъ каменьевъ: будучи же притомъ на хорошей лошади, легко отъ своей свиты отдалился, и ѣдучи прямо къ воротамъ звѣринца, которые были въ полѣ, приказывалъ стоящему на караулѣ евнуху оные отворить. Сей невольникъ отворить ему не хотѣлъ; но Принцъ тотчасъ срубивъ ему голову саблею, которую онъ ѣздя на охоту всегда имѣлъ при себѣ, ключи у него вынулъ, и выѣхавши изъ воротъ, пустился во весь лошадиной споръ по первой попавшейся тропинкѣ, и скакалъ не останавливаясь ни на часъ цѣлые сутки.

Мамки и евнухи мнимой Принцессы искали ея по звѣринцу съ

крайнимъ прилѣжанїемъ. Обѣгавъ же попустому всѣ дороги въ ономъ звѣринцѣ, доѣхали наконецъ и до воротъ, которые были отворены, и увидя тутъ мертвое евнухово тѣло, весьма изумились; они заключили, что конечно Гюль-Гинди какое нещастїе приключилось. Печальной сей вѣсти царю и царевѣ никто не хотѣлъ принести, однако необходимо надобно было; и они услыша сїе, едва было съ печали не умерли. О, небо! вскричала Королева, вырывая у себя на головѣ волосы, и царапала лицо, для чего мы не вѣрили преразумному Жеонгѣ; теперь бы мы не претерпѣвали такой несносной печали. Конечно Гюль-Гинди увезли насильствомъ; духъ справедливо намъ сказывалъ о семъ нещастїи. Дай боже! чтобъ любезная моя дочь отъ всякаго зла благополучно избавилась. Между

Между тѣмъ какъ царь и царева провождали время въ печали и безполезныхъ разсужденїяхъ, Принцъ непрестанно уѣжжалъ далѣ, сколько ни старались его догонять. Онъ ѣхалъ до тѣхъ поръ, пока у лошади была сила, и остановился ужѐ тогда, какъ она подъ нимъ издохла. будучи пѣшъ весьма онъ о томъ было затужился, но увидя идущаго близъ его одного молодаго татарина, спросилъ у него: не знаешь ли, другъ мой, у кого продажной лошади. Ты, сударыня, отвѣчалъ онъ ему, почитая Шерефъ-Эльдина по платью за женщину, очень къ стати у меня изволила спросить. Отецъ мой, которой на нѣсколько отсюда шаговъ живетъ, весьма много ими торгуетъ. Принцъ за нимъ пошелъ, купилъ у его отца хорошую лошадь, и нѣсколько часовъ отдохнувъ, отправился

въ путь. Онъ ѣхалъ нѣсколько дней сряду почти со всѣмъ не останавливаясь, и напослѣдокъ пріѣхалъ къ морской пристани, гдѣ засталъ судно, отправляющееся въ городъ Суратъ. Корабельщикъ на ономъ суднѣ былъ около сорока лѣтъ, и человѣкъ весьма пригожей, принялъ Принца со всякимъ почтеніемъ, какъ надлежитъ знатную дѣвицу, которая, какъ Принцъ ему о себѣ сказалъ, ѣдетъ въ Индію для полученія богатаго наслѣдства, оставшагося послѣ отца ея и матери, которая по смерти своего мужа также скоропостижно скончалась; онъ пригласилъ его къ своему столу, которое учтивство принялъ Шерефъ-Эльдинъ тѣмъ охотнѣе, что сѣвши на корабль такимъ нечаяннымъ случаемъ, не имѣлъ онъ времени закупить себѣ никакого провіанта.

Ку-

Кушанье было приготовлено преизрядное, но по окончанiи обѣда, весьма онъ удивился, увидя, вошедшую къ нимъ въ каюту, гдѣ они сидѣли, женщину чрезмѣрной красоты, которая говорила корабельщику слѣдующiя слова̀:

„Помни, Синадабъ, что богъ „намъ далъ родителей, чтобъ мы „имъ были покорны. Самъ богъ „глаголетъ къ намъ чрезъ ихъ у„ста! нещастливъ тотъ чело„вѣкъ, кто ихъ презираетъ, и не „повинуется съ почтенiемъ ихъ „приказанiямъ„.

Синадабъ послѣ сихъ словъ всталъ изъ за стола, и потекли у него изъ глазъ слезы; потомъ упавъ лицемъ на землю, лежалъ такъ нѣсколько времени, и вставъ опять съ изъявляющею на лицѣ

печалїю, говорилъ ей: прекрасно рукїа, я никогда не позабуд полезнаго сего совѣта. Прошедш мои нещастїя довольно оной вкор нили въ мое сердце, однако н оставляйте по вашему обыкновенї повторять мнѣ оной ежедневно.

ТРЕТЬЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Принцъ Шерефъ-Эльдинъ глядѣлъ на Синадаба съ удивленїемъ что сей примѣтя, говорилъ ему: вамъ бы, государыня моя, не удиви тельно показалось, когдабъ вы знали причину сей церемонїи, и для чего сїя женщина послѣ всякаго кушанья, какъ вы слышали, повторяетъ тѣже слова. Шерефъ-Эльдинъ оказывалъ свое желанїе и любопытство узнать тому причину; и вотъ, милостивой государь, продолжалъ

бенъ-

бенъ-Эридунъ, какимъ образомъ началъ Синадабъ ему расказывать.

ПОВѢСТЬ

О Синадабѣ, сынѣ Доктора Сазана.

Отецъ мой, именемъ Сазанъ, былъ докторъ города Сюеза, онъ упражнялся въ семъ искусствѣ съ великою похвалою весьма долгое время: не имѣя же у себя кромѣ меня никого дѣтей, не жалѣлъ онъ ничего для моего воспитанія. Мнѣ ужѐ было около двадцати лѣтъ, и онъ желалъ, чтобъ я принялся за тоже искусство, какъ онъ самъ; но кромѣ того, что я имѣлъ къ оному чрезвычайное отвращеніе. Какъ почитался онъ за весьма богатаго человѣка, то я не думалъ имѣть нужды въ ремеслѣ

для прокормленія своего: я себѣ воображалъ, что оставшагося мнѣ послѣ его имѣнія станетъ еще и съ лишкомъ для препровожденія моей жизни въ роскошахъ и веселостяхъ, и безъ того чтобъ я принужденъ быть употреблять какой либо трудъ. Представленія моего отца не могли меня отвратить отъ сего намѣренія, и онъ отъ того столь сильно запечалился, что занемогъ, и лежавши въ постели пять или шесть мѣсяцовъ, жизнь свою окончилъ.

Предъ самою же своею кончиною призвавъ меня къ себѣ говорилъ мнѣ: сынъ мой, когда ужѐ я отъ тебя при жизни моей никакого удовольствія не получилъ, то потѣшь меня по крайней мѣрѣ хотя при смерти, и обѣщай мнѣ, что ты точно послѣдовать будешь

тремъ моимъ завѣщанïямъ: я предвижу, что оныя тебѣ весьма нужны будутъ. Кленись мнѣ Алкораномъ, что они никогда изъ твоей памяти не выдутъ. — Я залившись слезами, продолжалъ Синадабъ, клялся моему отцу, что буду исполнять его завѣщанïя; и вотъ что сударыня, сей доброй старикъ обнимая меня наказывалъ мнѣ: Я тебѣ довольно оставляю имѣнïя, а можетъ быть и съ лишкомъ, чтобъ прожить твой вѣкъ какъ честному человѣку; старайся, любезной мой Синадабъ, оное беречь, но естьли какимъ либо случаемъ, котораго я предвидѣть не могу, онаго лишишся, то никогда не вступай въ службу такого государя, о котораго ты нравѣ и свойствахъ совершенно не знаешь: второе помни всегда, чтобъ сколько ты жену свою горячо ни лю-

бил, не открывать ей своей тайны, от которой бы жизнь твоя зависѣла; третіе, не бери к себѣ вмѣсто сына никакого пріемыша.

Едва лишь окончил я моему отцу вторичную алкораном клятву в точном наблюденіи сих трех завѣщаній, как глаза его покрылись вѣчным мраком, и душа его взята была Ангелом смерти. При таком плачевном позорищѣ слёзы мои умножились, и я отдал послѣдней долг своему отцу со всякою сыновнею горячностію.

Под изголовьем его нашел я копію с духовной, которой подлинник оставил он у Кади. По силѣ оной имѣл я полную власть во всем его имѣніи, вы-

ключая только маленькаго загороднаго садика, въ которомъ здѣлана была преизрядная зала. Онъ не далъ мнѣ позволенія продать оной, для какой бы то причины ни было.

Сіе запрещеніе показалось мнѣ за такую бездѣлку, что я о томъ много и не думалъ, а помышлялъ только поприлѣжнѣе осмотрѣть доставшееся мнѣ имѣніе. Я нашелъ больше ста тысячь золотыхъ чекиновъ, множество предорогихъ бриліантовъ, и прочихъ великолѣпнѣйшихъ домовыхъ уборовъ. Какъ скоро благопристойность позволила мнѣ показаться въ люди, то я собралъ къ себѣ моихъ пріятелей около осьми человѣкъ, подарилъ каждому изъ нихъ по одной прекрасной невольницѣ, и держалъ ихъ въ моемъ домѣ десять дней съ ряду потчивая ихъ весьма велико-

 лико-

ликолѣпно. Напослѣдокъ, государыня моя, продолжалъ Синадабъ, чтобъ не наскучить вамъ точнымъ разсказыванїемъ о всѣхъ моихъ глупостяхъ и мотовствахъ, въ которыхъ я препровождалъ каждой день, скажу вамъ только, что продолжая такую жизнь около двухъ лѣтъ, вдругъ у меня не стало денегъ. Друзья мои, которые въ веселостяхъ меня не оставляли, присовѣтовали мнѣ сбывать съ рукъ драгоцѣнные каменья и прочїе уборы; и такъ я продавалъ ихъ всѣ одну вещь за другою за половину настоящей ихъ цѣны. Наконецъ то же я здѣлалъ и съ оставшимися послѣ отца моего дворами, выключая токмо загороднаго саду, котораго я продать не властенъ былъ: а напослѣдокъ дошелъ я до того, что остался только у меня одинъ кавтанъ, да

соколъ,

соколЪ, котораго я выучилЪ летать за птицами.

Друзья мои увидя мою бѢдность, тотчасЪ меня бросили. Сколько ни попрекалЪ я имЪ за ихЪ неблагодарность, но они же мнѢ еще и насмѢхались, и изЪ всѢхЪ ихЪ нашелся только одинЪ, который, сжалясь на бѢдное мое состоянїе, далЪ мнѢ десять чекиновЪ.

КакЪ я ничего не ѢлЪ два дни сЪ ряду, то почиталЪ сїи деньги за дарЪ сЪ неба, и стыдясь развратной своей жизни, пошелЪ на Сюескую прїстань вЪ томЪ намѢренїи, чтобЪ сЪ первымЪ судномЪ уѢхать изЪ сего города. Я по щастїю нашелЪ одно судно, отправляющееся вЪ АделЪ, и закупивЪ на малыя мои деньги нѢсколько себѢ на дорогу провїанта, сѢлЪ на

оное и съ соколомъ своимъ, и въ Адель приплыли мы безъ-всякаго приключенія.

Отъ десяти чекиновъ осталось только у меня три; я вознамѣрился ихъ беречь, а питаться искусствомъ моего сокола. Я имѣлъ особливое дарованіе въ обученіи соколовъ къ ловлѣ, и своего сокола такъ я пріучилъ, что онъ поиманныхъ птицъ не убивалъ, а выклевывалъ только имъ своимъ носомъ оба глаза̀, по чему бралъ я ихъ всегда живыми; такимъ образомъ дичины я имѣлъ довольно, какъ для пропитанія себя, такъ и престарѣлой вдовы̀, у которой жилъ я въ домѣ, а сверьхъ того носилъ еще всякой день и къ царскому купчинѣ, которой за то мнѣ платилъ дорогóю цѣною, и удивляясь тому, что я ему разсказывалъ о моемъ соколѣ, донесъ объ ономъ царю. Сей

Сей государь охотникъ будучи до птичной ловли, велѣлъ меня привести предъ себя, и сказалъ мнѣ, что онъ желаетъ посмотрѣть моего сокола на лету, и чтобъ я завтра на разсвѣтѣ и съ нимъ готовъ былъ. Я оное исполнилъ съ радостїю, и царю столько понравилось проворство, легость и послушанїе моего сокола, что спрашивалъ у меня, за сколько я его продать хочу. Милсстивой государь, отвѣчалъ я, отъ всего моего имѣнїя доставшагося мнѣ послѣ смерти моего отца, котораго было больше двухъ сотъ тысячъ чекиновъ; одинъ только онъ у меня остался, и въ нынѣшней моей бѣдности меня питаетъ: но естьли имѣетъ онъ щастїе понравиться Вашему Величеству, то я довольно себѣ платы получу, когда только вы удостоите принять его отъ меня.

Аделской царь, продолжалъ Синадабъ, велѣлъ немедленно мнѣ выдать дватцать тысячь чекиновъ, приказалъ мнѣ жить въ своемъ дворцѣ, и пожаловалъ меня Оберъ-Егермейстеромъ. Однимъ словомъ, государыня моя, сей государь столь до меня милостивъ былъ, что я въ короткое время здѣлался верьховнымъ его Визиремъ и первымъ повѣреннымъ. Всякой день ѣздилъ съ нимъ на охоту, и обыкновенно оставлялъ его только тогда, когда уходилъ онъ въ покои своихъ женъ.

Сколь бы нещастливымъ себя я почиталъ, любезной мой Синадабъ, говорилъ нѣкогда онъ мнѣ: есть-ли бы я тебя лишился, ты наибольшее увеселеніе дѣлаешь въ моей жизни. Милостивой государь отвѣчалъ я: благополучіе великихъ

людей

людей весьма непостоянно, и разумной человѣкъ не можетъ твердо на оное полагаться: сево дни нахожусь я у васъ во всякой милости, а завтра, можетъ быть, буду окованъ весь цѣпями, которыя Вы же прикажете на меня наложить. Нѣтъ, нѣтъ, Визирь, говорилъ онъ мнѣ, ничего не опасайся, я тебя всегда любить буду; а чтобъ привести тебя еще въ большую любовь, и выгнать изъ головы память о твоемъ отечествѣ, я хочу, чтобъ ты женился на одной моей сестрѣ, у меня ихъ три, и всѣ красоты совершенной: я тебѣ всѣхъ ихъ покажу, но только такъ, чтобъ они того не знали, и естьли ты имѣешь свободное сердце, то хочу, чтобъ та, которая тебѣ больше полюбится, была завтра твоею женою. Я за такую его милость поклонился ему въ ноги; онъ меня под-

подняль, и любезно обнявь, ввель меня вь свой кабинеть, и поставиль за большія ширмы изь чернаго флюру, а самь послаль начальника евнуховь за тремя Принцессами.

****

ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Царской приказь исполнень быль немедленно, и чрезь минуту вошли три женщины красоты безпримѣрной и сіяющія какь полной мѣсяць. Сей государь, поговоря сь ними о дѣлахь постороннихь, отпустиль ихь вь свои покои, а меня вывель изь за ширмовь, за которыми я стояль. Ну, любезной мой Визирь, говориль онь мнѣ: кь которой изь трехь моихь сестерь больше твое сердце склонно? Ахь! милостивой государь, отвѣчаль

чалъ я съ восторгомъ: они всѣ такъ прекрасны, что я въ короткое время не могу сказать . . . Нѣтъ, нѣтъ, перервалъ мою рѣчь царь, конечно одна которая нибудь полюбилась тебѣ лучше, признайся мнѣ, я за тебя оную отдамъ отъ всего моего се́рдца, и приказываю тебѣ открыть твою мысль по самой правдѣ. Милостивой государь, отвѣчалъ я, когда приказываете вы мнѣ неотмѣнно: молодшая изъ трехъ Принцессъ пронзила мое сердце гораздо чувствительнѣе; но сколько бы, Ваше Величество, милости къ вашему рабу ни оказывали; однако благополучїе мое не совершенно бы было, естьли бъ получилъ я Принцессу не по ея волѣ: вотъ какїя нѣжныя мысли, отвѣчалъ царь, однако я и сїе тебѣ удовольствїе здѣлаю. Тогда приказалъ онъ начальнику евнуховъ

по-

позвать Бууемкиру, симъ именемъ называлась та Принцесса, которая тотчасъ потомъ и пришла. Любезная моя Бузсмкира, говорилъ ей царь, обнявъ ея, я хочу тебя выдать за-мужъ, но только принуждать тебя не намѣренъ. Визирь Синадабъ, котораго ты видишь, и котораго предлагаю тебѣ женихомъ, также безъ твоего согласія онаго здѣлать не хочетъ: я тебя оставляю съ нимъ, подумай хорошенько сама съ собою о рѣшительномъ мнѣ отвѣтѣ, и будь увѣрена, что какой бы оной ни былъ, я сердиться за то не буду.

Потомъ Адельской царь вышелъ, и оставилъ за дверьми начальника евнуховъ. Какіе у насъ съ Буземкирою были разговоры, о томъ вамъ, государыня моя, много разсказывать нѣчего. Она мнѣ

чисто-

чистосердечно открылась, что она за щастїе почитать будетъ, имѣть меня себѣ мужемъ, и не однократно увѣряла меня, что послушанїе, которымъ она должна царю, своему брату, въ искреней ея ко мнѣ склонности никакого участїя не имѣло. По такому обнадеживанїю женился я на ней со всякимъ великолѣпїемъ, и городъ Адель не малое имѣлъ участїе въ моей радости; потому что царь сложилъ съ жителей онаго одну четверть всякихъ пошлинъ.

По прошествїи нѣсколько мѣсяцовъ бюземкира понесла младенца. Какъ я ея любилъ горячо, то почувствовалъ отъ того несказанную радость, которая однакожъ скоро миновалась. Бюземкира нечаянно упала, весьма опасно ушиблась, и едва было не умерла выкинувъ младенца. По

По прилѣжному около ея хожденїю, она скоро оздоровѣла, однако чрезъ пять лѣтъ, дѣтей мы у себя не имѣли, и совѣтовали объ ономъ съ искуснѣйшими въ Аделѣ докторами, которые всѣ единогласно обнадежили, что Принцесса, моя жена, никогда матерью не будетъ.

Сїе объявленїе весьма опечалило Бузенкиру, которую я много любилъ, и которая ко мнѣ также совершенную горячность имѣла; и въ одинъ вечеръ сидя мы съ нею одни, говорила она мнѣ: я вижу, что ужѐ на вѣки лишена удовольствїя произвесть вамъ наслѣдниковъ, такъ уменьшимъ, сударь, по крайней мѣрѣ сїю прискорбность, взявъ къ себѣ вмѣсто сына малинькаго Руми; [сей государыня моя, продолжалъ Синадабъ, былъ сынъ одного изъ моихъ невольниковъ, и

будучи

будучи четырехъ лѣтъ весьма хорошую по возрасту своему подавалъ надежду,]и какъ я бузѣмкирѣ ни въ чемъ не спорилъ, то и на сїе предложенїе съ соизволенїя царя Адельскаго охотно согласился. Я воспиталъ Руми какъ роднаго своего сына, и всячески старался для приведенїя его въ совершенство.

Прошло ужè около десяти лѣтъ, какъ Руми почиталъ меня за отца, и я имъ весьма доволенъ былъ. Какъ въ одну ночь лежавши я съ Бузѣмкирою, и долго не заснувъ вспамятовалъ послѣднїя отцовскїя ко мнѣ словà, и что велѣлъ онъ мнѣ клясться алкораномъ. Я тому только лишь посмѣялся. Старые люди, думалъ я самъ въ себѣ, изъ ума выживаютъ: имѣнїе свое я все прожилъ, и вступилъ въ

службу

службу къ такому государю, про котораго и не слыхалъ почти со всѣмъ, такъ развѣ тѣмъ себѣ я хуже здѣлалъ? Напротивъ того могу ли я себѣ желать большаго и превосходнѣйшаго щастїя, какъ быть Визиремъ и шуриномъ сильнаго царя, которой все свое удовольствїе въ томъ поставляетъ, чтобъ видѣть меня при себѣ. Не смотря же на запрещенїе моего отца и вмѣсто сына взялъ я Руми, и какое же удовольствїе вижу я отъ сего ребенка, которой будучи пятнатцати лѣтъ, оказываетъ природную свою остроту и разумъ, и отъ котораго надѣюсь я со временемъ всякую благодарность получить! Нѣтъ, нѣтъ, не должно столь слѣпо раболѣбствовать повелѣнїямъ своихъ родителей, когда доживаютъ они до старости, что не только чтобъ другимъ подавать

давать наставленія, они сами себя не знають какъ вести.

Въ такихъ изрядныхъ размышленіяхъ, государыня моя, я заснулъ, однако и на другой день пришли они мнѣ опять въ голову. Вотъ уже, думалъ я самъ въ себѣ, двумъ совѣтамъ моего отца я не послѣдовалъ; а нещастія надъ собою еще никакого не вижу: посмотримъ, ежели и съ третьимъ то же здѣлается. Размышляя о семъ нѣсколько времени, вздумалъ я слѣдующее:

Бузѣмкира многократно роптала на царя Адельскаго, что онъ меня отъ нея увозилъ съ собою на охоту, откуда я не рѣдко возвращался гораздо утомленнымъ: жалобы ея вложили мнѣ въ мысль, чтобъ испытать: можетъ ли моя жена сохранить мнѣ тайну?

ПЯТАЯ

ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Я пошелъ на птичей дворъ, и взялъ самаго любимаго царскаго сокола, такъ что никто того не видалъ, отнесъ его въ свой кабинетъ, которой у меня былъ здѣланъ въ загородномъ саду, велѣлъ его кормить тамошнему дворнику нѣмому, съ такимъ приказанїемъ, чтобъ онъ отнюдь изъ саду не выходилъ, пока отъ меня по него не придутъ, и не покажутъ ему мой перстень. Потомъ взялъ я отъ саду ключь, которой заперъ двумя замкáми, и отнесъ его къ одному надежнѣйшему своему другу. Ежели ты „ увидишь, говорилъ я ему, жизнь „ мою въ опасности, которая, какъ предвижу я, случится со мною весьма скоро; то пожалуй здѣлай дружбу, сходи въ мой садъ, отъ котораго вотъ тебѣ ключь, и покажи

кажи сей перстень нѣмому, которой тамъ дворникомъ, и приведи его ко мнѣ съ ввѣренным ему отъ меня залогомъ: оной служить будетъ моимъ оправданїемъ.

Послѣ того пришелъ я къ себѣ домой, и какъ у меня всегда много бывало соколовъ, которыхъ я обучалъ: то взялъ изъ нихъ одного, которой весьма походилъ на царскаго, отвернулъ ему голову, и принесъ къ женѣ своей: прекрасная Бuземкира, говорилъ я ей, вотъ знаки моей къ тебѣ горячности, ты часто жаловалась на царя, и для того хотѣлъ я истребить корень твоей прискорбности: сей только одинъ соколъ причиною тому былъ, что царь чрезвычайно онымъ забавляясь, лишалъ тебя твоего удовольствїя: я его умертвилъ; да только берегись открыть

сїю тайну: она стоитъ моей жизни; ежели царь провѣдаетъ о моей къ нему неблагодарности, то конечно нимало не прїемля въ разсужденїе, для чего я оное здѣлалъ, велитъ меня предать смерти.

Бузенкира сперьва было ужаснулась о такомъ моемъ предпрїятїи, но потомъ пожавъ мнѣ руку говорила: Милостивой государь, свѣтъ моей жизни, естьли только вы, да я про сїю тайну знаемъ, то будь увѣренъ, что вамъ опасаться нечего, и что наимучительнѣйшая смерть не можетъ меня принудить объявить вашу винность. Очень изрядно, отвѣчалъ я, спрячь же сокола подалѣ, а я пойду къ царю.

Оставивъ Бузенкиру, пошелъ я къ царю, которому о пропажѣ сокола сказано уже было: онъ изъявлялъ

являлъ мнѣ крайнюю свою о томъ печаль. Милостивой Государь, говорилъ я ему, я одинъ только лишъ нахожу способъ, чтобъ сыскать вашего сокола, прикажите публиковать въ Аделѣ, сколь потеря онаго вамъ чувствительна; и обѣщайте за находку онаго награжденїе достойное щедрости такого Монарха, какъ Ваше Величество.

Царь на оное согласился, велѣлъ кричать по всѣмъ перекресткамъ, что ежели кто принесетъ извѣстїе о его соколѣ мертвомъ или живомъ: то, когда оной будетъ мущина, сверьхъ половины имѣнїя того, кто укралъ сокола, здѣлаетъ онъ его знатнѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ; а ежели женщина, то отдастъ ея въ жены Визирю Жїамїю, которой почитался первымъ

въ Аделѣ красавцомъ, и которой въ такой же милости у царя былъ, какъ и я.

Сія публикація тотчасъ разсѣялась по всему городу, но я почиталъ ея безполезною, надѣясь на чрезвычайную буземкирину любовь, которая чрезъ пятнатцать лѣтъ ни на одинъ часъ не уменьшалась: однако до захожденія еще солнца крайнѣ я изумился, какъ по царскому указу пришли меня взять подъ караулъ, и посадили въ тюрьму, гдѣ я и ночь препроводилъ.

Лишь чють только разсвѣло, то повели меня предъ царя, котораго ярость изображена была на лицѣ. Невѣрной Визирь, говорилъ онъ мнѣ, такъ ли ты скоро могъ забыть всѣ мои къ тебѣ милости? Какъ! безъ всякой благодарности за

за высокое достоинство, въ которое я тебя возвелъ, отваживаешся ты нанести мнѣ наичувствительнѣйшей ударъ? Милостивой Государь, отвѣчалъ я, какъ на высокую степень чести возвели Вы меня изъ ничего, такъ и опять съ оной свергнуть можете однимъ духомъ: но позвольте мнѣ представить, что я со всѣмъ не знаю причины Вашего гнѣва, и что, можетъ быть, доносщики мои гораздо сами моего виноватѣе. Плутъ, неблагодарной, сказалъ мнѣ царь, не ты ли моего сокола умертвилъ? Я! Милостивой Государь, отвѣчалъ ему съ притворнымъ удивленіемъ, могу ли я лишить своего Государя его веселостей, да и въ самой еще той вещи, чрезъ которую я имѣлъ щастіе ему понравиться. Нѣтъ, нѣтъ, Милостивой Государь, ежели эта причина Вашего гнѣва, то

я увѣренъ, что оной скоро на другаго обратится. Ахъ, какой бездѣльникъ! вскричалъ царь, вынувъ изъ подъ полы мертваго сокола, ты еще въ своей винѣ и не признаешся, смотри и узнай твое злодѣйство. Увидя сное, я оцѣпенѣлъ. Милостивой Государь, говорилъ я тогда, виды часто бываютъ обманчивы, но хотя въ смерти вашего сокола оправданія я и не приношу, однако прошу здѣлать мнѣ послѣднюю милость, объявить имя моего донощика. Изрядно, я тебѣ и сіе удовольствіе здѣлаю, отвѣчалъ царь, знай, что сама Буземкира, жена твоя, на тебя доноситъ, такъ можешь ли ты запереться противъ такого свидѣтеля? Сіи рѣчи сильняе меня поразили, нежели бъ громовая стрѣла, и въ тотчасъ вообразились мнѣ послѣднія слова̀ отца моего. Справедливое

ведливое небо! вскричалъ я, бузем-кира меня обвиняетъ, буземкира мнѣ измѣнила, можетъ ли что нибудь злѣе и горестнѣе сего быть! Ахъ! Милостивой Государь, продожалъ я мою рѣчь, я имѣю, чѣмъ всю вину на нея сложить; но хотя я противъ Вашего Величества и не виноватъ, однако оправдаться не хочу; я почитаю Вашу кровь и заслуживаю смерть, ежели Вы не вспамятуете Вашихъ милостивыхъ обѣщаній. Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ царь, чѣмъ больше я тебя любилъ, тѣмъ меньше вина твоя простительна, не ожидай никакой милости, и приготовляйся потерять голову: напослѣдокъ, государыня моя, продолжалъ Синадабъ, сколько я ни говорилъ для приведенія въ жалость сего государя, однако онъ не пріемля ничего, ушелъ прочь, оставя меня съ

караульными, чтобъ отдать въ руки палачу.

Какъ будучи я въ Аделѣ Визиремъ около пятнатцати лѣтъ ни одному человѣку зла не здѣлалъ, то всѣ честные люди сожалѣли о мнѣ, что я за такую бездѣлицу на смерть ссужденъ. Тщетно старались просить о мнѣ царя; онъ былъ неупросимой: караульные мои, кои видя близкую мою смерть, не могли отъ слезъ воздержаться, позволяли мнѣ, чтобъ я спасся бѣгствомъ: нѣтъ, говорилъ я имъ, благодарствую за вашу дружбу, которая безъ сомнѣнія подвергнула бы васъ царскому гнѣву: а я не виноватъ, и когда придетъ время, имѣю чѣмъ оправдаться.

Царское приказанїе о лишенїи меня живота, было тщетное, ибо

и палачь для того выѣхалъ изъ Аделя вонъ, и всѣ тѣ, которымъ оное царь препоручалъ, въ томъ отказались, такъ что принужденъ онъ былъ велѣть публиковать во всемъ городѣ, что кто сыщется охотникъ отсѣчь мнѣ голову, тому въ награжденіе отдана будетъ другая половина моего имѣнія.

Сколь сіи обѣщанія выгодны ни были, однако никто еще охотниковъ не выискался, какъ Руми, пріемышъ мой, пошелъ о томъ посовѣтовать съ Буземкирою: милостивая государыня, говорилъ онъ ей, что намъ до того нужды, виноватъ ли Синадабъ, или нѣтъ, довольно, что онъ осужденъ на смерть; и мнѣ жалко видѣть его въ горестной жизни, которой никто его лишить не хочетъ, безчисленнаго его имѣнія одна поло-

вина надлежитъ вамъ, какъ доно-щицѣ, и только я одинъ останусь безъ всего, потому что царь обѣщаетъ другую половину тому, кто лишитъ Синадаба живота. Я хочу исполнить сїе дѣло, и надѣюсь, что царь да и Синадабъ самъ мною будутъ довольны, что я прекращу его жизнь, которая безъ сомнѣнїя ему несносна, а чрезъ то получу я себѣ имѣнїе, котораго въ чужїя руки упускать весьма непристойно.

Бузeмкира, которая по видимому страстно влюблена была въ Визиря Жїамїя, по моимъ же, можетъ быть, о его красотѣ словамъ, не могла удовольствовать своего желанїя, вышедши за него пока я буду живъ; по чему она столь безстыднымъ образомъ на меня и донесла: богомерзское Румїево намѣренїе

мѣренїе похвалила, отвела его къ царю, и такъ прикрасила сїе дѣло, что царь жаждущей моей крови, привелъ его самъ ко мнѣ въ тюрьму, и съ великимъ удовольствїемъ объявилъ мнѣ палача

Увидя Руми я весь оцѣпенѣлъ. Хотя я со слезами выговаривалъ ему его неблагодарность, однако онъ столь жестокосерденъ былъ, что не взирая на оное, связалъ мнѣ рўки, и представлялъ еще мнѣ, что я долженъ его благодарить, что онъ взялъ на себя лишить меня живота.

Царь при семъ печальномъ позорищѣ былъ самъ нимало нечувствуя жалости, слéзы мои не могли его тронуть, и я видя его къ милости несклоннымъ, съ горестїю вскричалъ: о Сазанъ! Сазанъ! для

чего я тебѣ не вѣрилъ? Сіи слова по его разсужденію ничего незначащія, думалъ онъ, что я убоясь смерти, произносилъ ихъ повредившись въ умѣ. Что ты разумѣешь чрезъ эти слова: о Сазанъ! Сазанъ! говорилъ онъ мнѣ, растолкуй мнѣ сію тайну: Милостивой Государь, отвѣчалъ я, они напоминаютъ мнѣ преслушаніе къ моему отцу, которой назывался Сазаномъ, въ трехъ завѣщаніяхъ, которыя онъ мнѣ далъ при своей смерти, и теперь за оное долженъ я пострадать безъ роптанія. Я вступилъ въ службу Вашего Величества, не зная Вашихъ свойствъ, открылъ мою тайну своей женѣ, и воспиталъ змѣю, которая предаетъ меня смерти.

Не взирая на Ваши обѣщанія осуждаете Вы меня на смерть за одного

одного сокола, въ которомъ дѣлѣ я со всѣмъ не-виненъ; Бузсмкира, позабывъ мою къ ней пятнатцатилѣтнюю горячность, измѣнила меня неслыханнымъ вѣроломствомъ, а Руми, сей ребенокъ, котораго я содержалъ такъ какъ родного своего сына, прельщенъ будучи подлою корыстью, самопроизвольно здѣлался моимъ палачемъ. О Сазанъ! Сазанъ! для чего тебѣ я не вѣрилъ.

Царь и всѣ зрители, слыша сїи слова̀, были неподвижны; а я оборотясь къ Румїю вскричалъ: руби, недостойной, руби, не томи долѣе нещастнаго, но невиннаго Синадаба, ибо каждая минута моей жизни должна тебя стыдомъ покрывать.

Руми безъ всякой жалости вынулъ свою саблю, и приготовлялся отрубить мнѣ голову.

ШЕСТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Руми, какъ неродной сынъ, хотѣлъ было дать мнѣ смертной ударъ, продолжалъ Синадабъ, какъ прїятель, которому отдалъ я отъ моего сáда ключь, вошелъ въ тюрьму съ царскимъ на рукѣ соколомъ. Милостивой Государь, сказалъ онъ удержавъ Румїеву руку, которая не больше ужѐ нá-два пальца отъ моей шей была, смотрите ложной на Синадаба доносъ, и узнайте Вашего сокола живаго по знаку, которой Вы сами положили ему на лапѣ.

Царь Адельской, увидя его, чрезвычайно изумился, и на лицѣ его видно было превеликое смущенїе. Онъ потупилъ глазà, и былъ въ глубокомъ размышленїи о всемъ произшествїи. Что до меня касалось, продолжалъ Синадабъ, то

сколь пріятель мой къ стати ни пришелъ, однако почти я о томъ тужилъ: жизнь моя отъ невѣрности Бyземкириной и отъ неблагодарности Румїевой здѣлалась мнѣ постылою: однако бросился я къ царскимъ ногамъ, говоря ему: Милостивой Государь, вотъ тотъ бѣдной любимецъ, котораго Вы обнадеживали вѣчною милостїю, и которой потерялъ было жизнь свою безвинно. Сей государь сжалившись, меня поднялъ и приказалъ обьявить всю сїю тайну. Я оную ему разказалъ въ коротких словахъ. Онъ разсмотрѣлъ всѣ обстоятельства моей исторїи, и признавъ свою погрѣшность и вѣроломство Бyземкирино, тотчасъ послалъ ея взять подъ карауль, и привести передъ себя, и связавши ея вмѣстѣ спинами съ Румїемъ, приказывалъ мнѣ отрубить имъ го́ловы тою же

саблею,

саблею, которая для меня приготовлена была. Я отрекся обагрить мою руку въ толь любезной для меня крови, да и притомъ просилъ еще за сихъ двухъ нещастныхъ, однако безполезно, и одинъ изъ караульныхъ по царскому приказу отрубилъ имъ обѣимъ головы.

Царь доволенъ будучи симъ наказанiемъ, котораго не могъ я видѣть безъ пролитiя слезъ, меня обнялъ и взялъ съ собою во дворецъ. Милостивой Государь, повторялъ я ему еще, не справедливо ли я Вамъ напредь сего представлялъ, что надѣющiяся на милость великихъ людей на пескѣ строютъ; ибо смерть одного животнаго во мгновенiя ока привела у Васъ въ забвенiе пятнатцатилѣтнюю милость. Оставимъ это Визирь, говорилъ

ворилъ мнѣ царь, я самъ стыжусь своей погрѣшности; однако я хочу оную загладить, и возвести тебя на такой высокой степень чести, чтобъ не можно было тебѣ паденія больше опасаться. Нѣтъ, Милостивой Государь, отвѣчалъ я съ почтеніемъ, отпустите меня опять въ Сюесъ наслаждаться вольностію и спокойною жизнію; сей только одной милости проситъ у Васъ Синадабъ. Царь всѣми силами противился моему намѣренію; но я стоялъ въономъ непоколебимо; ничто не могло меня при немъ удержать, и чрезъ всемь дней поѣхалъ я на данномъ мнѣ отъ царя суднѣ, которое нагрузилъ всемъ моимъ богатствомъ, домовыми уборами и множествомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, которыми онъ меня подарилъ предъ моимъ отъѣздомъ. Сіе разлученіе не безъ печали происходило;

ло; но со всѣмъ тѣмъ воспріялъ я путь къ Египту, и почти ужѐ спали-было мы въѣжжать въ пристань, какъ поднялась преужасная буря, и носивъ насъ пó-морю трои сутки за нѣсколько миль отъ Сюева судно мое разбило. Всѣ работные люди притомъ погибли, выключая меня одного, ибо я ухватился за доску, и меня выбросило нá-берегъ, однако я всего моего богатства лишился, и увидѣлъ себя вдругъ изъ превеликаго богача въ крайней бѣдности.

Не зная гдѣ приклонить голову, вспомнилъ духовную отца моего, что я по оной еще господинъ маленькаго загороднаго садика и бесѣдки: я любопытенъ былъ видѣть, не завладѣлъ ли кто онымъ безъ меня, ибо болѣе ужѐ шестнатцати лѣтъ прошло, какъ я изъ

изъ города выѣхалъ; однако нашелъ я оной все въ прежнемъ состоянiи, кромѣ того что нѣсколько обвалился. Я отворилъ двери посредствомъ нѣкоторыхъ потаенныхъ словъ, которымъ выучилъ меня мой отецъ, и которыхъ кромѣ его и меня ни одинъ человѣкъ не зналъ. Садъ мой заросъ весь травою, и кабинетъ былъ въ превеликомъ безпорядкѣ; и какъ ужѐ было очень поздно, а притомъ я крайнѣ и усталъ, то легъ на старую гнилую рогожу, и спалъ до тѣхъ поръ, пока разбудилъ меня голодъ. Для пропитанiя своего никакого мастерства я не зналъ, и вздумалъ не давая никому о себѣ знать, кормиться милостынею, ходя по дворамъ; въ семъ намѣренiи вышелъ я изъ саду, и долго шатался по городу, однако безполезно просилъ пòмощи у Сюесскихъ жителей, никто

кто не пособилъ мнѣ въ тогдашней крайней нуждѣ, такъ что я возвратился ввечеру въ маленькой мой домикъ съ превеликимъ голодомъ, а притомъ отъ многой ходьбы и ногъ подъ собою не слыхалъ. Я сѣлъ на негодную скамейчонку, которая стояла въ углу зала, и проходилъ въ умѣ все то, что отецъ мой при смерти мнѣ ни приказывалъ, и которое я столь мало наблюдалъ, какъ нечаянно увидѣлъ въ углу маленькой ларчикъ, которой весь ужѐ заплеснѣвѣлъ: онъ запертъ былъ ключомъ, я замо́къ тотчасъ разломалъ, думая найти въ ономъ нѣсколько денегъ, которыя, можетъ быть, отецъ мой тутъ заперъ. Но я чрезвычайно удивился, увидя только въ ономъ веревочку толщиною въ палецъ и цыдулку писаннную рукою моего отца, въ которой слѣдующее содержалось:

„Сина-

„ Синадабъ, ты мнѣ своего „ слова не здержалъ, хотя клялся „ въ томъ и алкораномъ. Худое „ твое домосмотренїе и непослу- „ шанїе привели тебя до теперeш- „ няго состоянїя. Но ежели ты „ имѣешь столько отважности, „ чтобъ послѣдовать послѣднему „ сему совѣту, то найдешь конецъ „ твоихъ злополучїй въ семъ лар- „ чикѣ „.

Конечно, вскричалъ я съ восхи- щенїемъ, конечно, родитель мой, сей разъ тебя я послушаю, да и дѣлать мнѣ ничего другаго не о- сталось, какъ прекратить нещa- стные мои дни сею веревкою. По- томъ принявъ отчаянное намѣренїе, всталъ я на скамейку, и здѣлавъ на веревкѣ глухую петлю, привя- залъ ея къ кольцу, которое каза- лось мнѣ нарочно для сего упо- требленїя

требленія и ввернуто было на потолокѣ, надѣлъ петлю на шею, и отъ толкнувъ ногою скамейку, безпечально отдался жестокости моего жребія.

СЕДЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Я думалъ было, государыня моя, получить себѣ чрезъ оное извѣстную смерть, но вмѣсто того оное кольцо и съ тоненькою доскою, въ которую оно было ввернуто, отъ тягости моего тѣла выпало, и изъ сей скважины, которая здѣлалась отъ того на потолокѣ, такое множество посыпалось червонныхъ, что и меня со всѣмъ покрыло. Отъ такой щастливой находки я почти паденія своего и не чувствовалъ, но тотчасъ вскоча взошелъ на потолокъ, и несказанно

но удивился, увидя тамъ безчисленное богатство, какъ въ золотѣ такъ и дорогихъ каменьяхъ. Я увидя конецъ всѣмъ моимъ нещастїямъ едва было отъ радости не умеръ. Я взялъ одинъ червонной, и заперевъ хорошенько садовыя двери, пошелъ купить чего нибудь получше для утоленїя своего голоду: на другой же день роздалъ я бѣднымъ Дервишамъ тысячу червонныхъ, и приведя себя въ состоянїе показаться съ благопристойностїю въ городѣ. Я выкупилъ назадъ все почти наслѣдство послѣ моего отца; а чтобъ имѣть непрестанно въ памяти нещастїя, въ которыя ввергнуло меня мое непослушанїе, то я приказываю всегда за столомъ повторять себѣ слышанныя вами словà о преданности и почтенїи дѣтей, которое должны они имѣть къ своимъ родителямъ.

Тому

Тому ужѐ около пяти лѣтъ государыня моя, продолжалъ Синадабъ, какъ я возвратился въ Сюесъ: съ того времени я всячески стараюсь исполнять званiе честнаго человѣка. Нещастiя мои выучили меня жить поосмотрительнѣе, и я нынѣ прiятно препровождаю жизнь мою съ прекрасною Рукiею, которую вы видѣли при окончанiи стола нашего: она одна изъ моихъ женъ, которую я больше всѣхъ люблю. Родомъ она изъ Сурата, и какъ у ней есть тамъ двѣ сестры, которыхъ она горячо любитъ, и которыя живутъ не весьма достаточно, то я по ея прозьбѣ хочу ихъ взять съ собою въ Сюесъ и выдать зá-мужъ.

Когда Синадабъ, милостивой государь, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, окончалъ свою повѣсть, то

Принцъ Шерефъ-Эльдинъ оказывалъ ему свою радость, видя его по претерпѣнныхъ толикихъ злополучїяхъ напослѣдокъ щастливымъ; и какъ вѣтеръ былъ благополученъ, то они скоро прибыли въ Суратъ. Принцъ не покидая женскаго платья простился съ Синадабомъ и прекрасною рукїею чрезвычайно ихъ благодаря за всѣ ихъ учтивости, и нѣсколько времени отдохнувъ, предпрїялъ свой путь къ Китаю.

Сїя исторїя весьма меня увеселила, перервавъ Астраханской царь, говорилъ Бенъ-Эридуну: я много тобою доволенъ, и приказываю Мютамгиду давать тебѣ по сту червонныхъ на-день чрезъ все то время, какъ будешь ты меня такимъ образомъ забавлять; но со всѣмъ тѣмъ не меньше любопытенъ я знать о жребїи Гюльгинди и

Шерефъ-Эльдина, какъ на прошедшихъ дняхъ и о продолженіи Синадабова похожденія: а какъ еще теперь намъ время осталось, то продолжай твою повѣсть. Бенъ-Эридунъ радуясь, что имѣлъ щастіе понравиться своему царю, продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

о *Шерефъ-Эльдинѣ и Гюльгинди.*

По прошествіи, милостивой государь, нѣсколькихъ дней Шерефъ-Эльдинъ будучи въ женскомъ платьѣ, пріѣхалъ на преизрядной лугъ, которой по справедливости назваться могъ прекраснѣйшимъ изъ всей щастливой Аравіи. Земля наономъ покрыта была мягкою травою, которая казалась никогда не

не засыхала, а лугъ украшенъ былъ розами, ясминами и фїолками, которые ни отъ лѣтняго зноя, ни зимнихъ морозовъ никогда не увядали; и сїи цвѣты прельщая зрѣнїе различнымъ своимъ видомъ, наполняли и воздухъ весь прїятнымъ своимъ запахомъ.

По конецъ сего луга стояла небольшая каменная гора высѣченная на подобїе пещеры, изъ средины которой билъ ключь въ большую изъ дикаго мрамора бассейнъ. Вода сего источника столь была чиста и свѣтла, что прїятнымъ своимъ журчаньемъ всѣхъ мимоходящихъ привлекала на берегу отдыхать, которой усланъ былъ дерномъ, а посреди стояло превеликое дерево, которое густыми своими вѣтьвями дѣлало непроницательную тѣнь и во время сильнѣйшаго солнечнаго зноя.

Въ семъ то мѣстѣ Принцъ вздумалъ насладиться нѣсколько покоемъ, которой надѣялся онъ получить отъ уединенія и прохладнаго мѣста. Онъ привязалъ лошадь свою къ кусту, а самъ легъ на землю: но едва было закрылись его глаза̀ пріятнымъ сномъ, какъ преужасной великанъ, имѣющей у себя во лбу только одинъ глазъ, которой имѣлъ свое жилище не подалеку отъ прекраснаго сего мѣста, по обыкновенію своему пришелъ туда нѣсколько отдохнуть. Онъ обманулся по Принцову платью, почитая его за дѣвицу, и столь сильно влюбился, что хотѣлъ было его унести. Онъ снялъ съ него саблю отбросилъ въ сторону, и хотѣлъ было ужѐ исполнить сіе предпріятіе, какъ стрѣла, летящая изъ невидимой рукѝ, ударивъ его въ глазъ, оной выколола, и такимъ обра-

образомъ лишила его способа, чтобъ удовольствовать неистовое свое предпрiятiе.

Принцъ отъ ужаснаго великанова крику тотчасъ проснулся, и ища глазами своего освободителя, увидѣлъ онъ молодова человѣка столь похожева на себя, что сперьва усумнился, не тѣнь ли онъ свою видитъ.

Сей незнакомой и мнимая Тюлюфанская Принцесса смотрѣли нѣсколько времени другъ на друга, не говоря ни слова: наконецъ последняя перервавъ молчанiе говорила: я должна вамъ, государь мой, животомъ и честiю; но прошу объявить мнѣ, кому имѣю я сiе одолженiе, которое никогда изъ памяти моей не выдетъ.

Сей незнакомецъ сперьва-было нѣсколько замялся отвѣчать Принцу, котораго и онъ также за женщину почиталъ; но побуждаемъ будучи нѣкоторымъ потаенымъ движенїемъ, которому не въ силахъ онъ былъ противиться, отвѣчалъ ей: для всякаго другова, государыня моя, называюсь я Мабарекомъ и сыномъ богатаго Испаганскаго купца, которой ѣздитъ по разнымъ государствамъ для собственнаго удовольствїя, но нѣкоторое движенїе самому мнѣ не извѣстное, принуждаетъ меня открыть вамъ самую правду, что я Принцъ Ормусской, и удалился отъ двора царя, моего отца, для избѣжанїя брака, къ которому я имѣю чрезвычайное отвращенїе, и проѣжжая сими мѣстами увидѣлъ я, что и вы сюда же прїѣхали. Сходство нашихъ лицъ подало мнѣ любопытство

пытство о васъ провѣдать, и я хотѣлъ было къ вамъ подойти, чтобъ спросить о вашемъ имени, какъ увидя, что вы утомившись отъ ѣзды, искали успокоиться прїятнымъ сномъ, не хотѣлъ вамъ въ томъ препятствовать, и вы бы конечно онымъ еще наслаждались, естьлибъ оной не прервалъ сей уродъ, котораго лишилъ я свѣта: но позвольте мнѣ, государыня моя, продолжалъ онъ, вамъ выговорить, что хотя и должность нашего пола обязываетъ насъ подавать помощь женщинамъ, однако нѣчто большее побудило меня принять на себя ваше защищенїе. Простите, государыня моя, сїе дерзновенное признанїе: непреодолимое препятствїе противится благополучїю, котораго бъ надѣяться я могъ, получивъ къ себѣ любовь; и для того прошу только о вашей

дружбѣ, и прошу о томъ, государыня моя, со всевозможною горячностїю: я же съ моей стороны буду любить васъ такою непорочною любовїю, что добродѣтель ваша нималой опасности подвержена не будетъ.

Мнимая Тюлюфанская Принцесса столь изумилась, услыша и увидя сына царя Ормусскаго, что пришла въ превеликую краску; и въ то время представилось ей тысячи печальныхъ воображенїй о томъ, что говаривала ей Риза про сего Принца, и что сколь невозможное дѣло, чтобъ исполнилось намѣренїе царя духовъ: но сїи расужденїя исчезли сами собою при зрѣнїи толь прекраснаго Принца, къ которому она сверьхъ своей воли чувствовала ужѐ совершенное почтенїе; и едва было она о своемъ

полѣ

покѣ не открыла, какъ вообразивъ себѣ нещастія предсказанныя ей отъ Меру, принуждена была объ ономъ умолчать, и имѣть къ ложному Персидскому Принцу такую же повѣренность, какую онъ къ ней имѣлъ. Государь мой, говорила она ему, поступки ваши столь учтивы, и я вами столь обязана, что весьма бъ была неблагодарною, естьли бы по чистосердечномъ вашемъ мнѣ признаніи, не отдала вамъ отъ искренности моего дружества. Что касается до меня, то единственное мое упражненіе состояло въ ѣздѣ на охоту, прежде нежели нѣкоторыя причины, которыхъ не могу я вамъ открыть, не подвергнувъ себя злѣйшему нещастію, принудили меня оставить дворъ царя моего родителя; но сколь бы твердо я ни намѣрена была скрывать свое имя отъ цѣлаго свѣта, называясь дочерью

Самаркандскаго Эмира, однако отъ васъ, государь мой, не хочу таить, что я дочь царя Тюлюфанскаго и зовутъ меня Гюльгинди. Справедливое небо! вскричалъ ложной Принцъ, перервавъ ея рѣчь, это вы любезная Гюльгинди! Это вы! о красотѣ которой вся восточная страна наполнена славою! Для васъ то, государыня моя, оставилъ я дворъ моего родителя, для васъ то странствую я по всему свѣту, и наконецъ самую васъ нахожу въ сихъ мѣстахъ: ахъ! прекрасная Принцесса, продолжалъ онъ залившись слезами и будучи въ превеликомъ отчаяніи, для чего не рождены мы одинъ для другаго? О! самодержавные правители всѣхъ тварей: вы знаете внутренность моего сердца, чѣмъ же я заслужилъ такого жестокаго мученія? А ты злая любовь! на что возпламенила

во

во мнѣ столь скорую и чувствительную искру, зная, что нѣтъ возможности упустить оную? Прекрасная Принцесса, я васъ люблю смертельно, но со всѣмъ тѣмъ принужденъ буду васъ убѣгать. Отецъ мой отправилъ къ царю Мохзадину пословъ требовать васъ мнѣ въ супругу. Древняя дружба, пребывающая между обоими сими монархами, подаютъ причину мнѣ думать, что царь Тюлюфанской Ормусскому въ семъ дѣлѣ не откажетъ; но любезная Гюльгинди, я вамъ еще повторяю, что бы то ни было, и хотя бъ вступились въ сїе дѣло всѣ смертные, да и самъ бы нашъ великой пророкъ, однако я съ вами соединенъ быть не могу, когда бъ не пощадилъ и крови своей, чтобъ въ состоянїи быть имѣть сїе щастїе.

ОСЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Принцъ, отвѣчала тогда мнимая Гюльгинди, которую сей разговоръ привелъ въ чрезвычайное изумленіе, я не понимаю какія причины побуждаютъ васъ говорить мнѣ такимъ образомъ, но то самое, что другую могло бы привести въ озлобленіе, заставляетъ меня большее имѣть къ вамъ почтеніе: знайте, что и я не меньше васъ имѣю причиины убѣгать отъ предуготовленнаго мнѣ брака, и то, что я услышала теперь, навсегда меня отдалитъ отъ двора моего родителя: будемъ же прекрасная Принцесса, вскричалъ тогда мнимой Принцъ странствовать вмѣстѣ, и подложными именами скроемъ отъ всей землй Принца и Принцессу, которыхъ лишеніе, какъ я увѣренъ, много слезъ стоитъ царямъ Тюлюфанск му и

Ормусскому: но когда ужѐ, государыня моя, продолжалъ онъ, жестокая судьбина не позволяетъ мнѣ быть вашимъ, то я кленусь великимъ нашимъ пророкомъ, что и вѣчно ничей не буду: я васъ любить буду любовїю непорочную и безнадежною, и всѣхъ моихъ желанїй предметомъ будетъ одна только прекрасная Гюльиндци. Сколь бы я щастливъ былъ, продолжалъ онъ еще свою рѣчь, естьлибъ ваши мысли столь сходны были съ моими, то есть, чтобъ одна только смерть въ состоянїи была разрѣшить столь совершенной нашъ союзъ. Но я ужѐ заговорился; простите мнѣ, сударыня, въ моемъ чистосердечномъ восхищенїи, когда не могу я вами владѣть, такъ должно ли другова Принца щастливѣйшее меня лишать того, что въ натурѣ есть наилучшее. Такъ

государь мой, отвѣчала ложная Гюльгинди закраснѣвшись, я позволяю вамъ вѣрить, что предложенїе ваше мнѣ прїятно. Когда звѣзды противятся нашему соединенїю, то я никому другому, кромѣ Принца Ормусскаго се́рдца своего не отдамъ; пусть соединитъ насъ неразрывная дружба, когда жестокая любовь предприяла насъ разлучить.

Наконецъ, милостивой государь, продолжалъ бенъ-Эридунъ, сїи два любовника бещастные по незнанїю одинъ другаго по́ла, а щастливые по своей симпатїи и взаимной горячности, которую влїялъ имъ Жеонга, по такомъ разговорѣ клялись дружбою неразрывною во всемъ, что случиться можетъ, и сѣвши опять на своихъ лошадей, удалились вмѣстѣ отъ сего прекраснаго луга. Ѣхав-

Ѣхавши нѣсколько дней безъ всякаго имъ особливаго приключенїя, увидѣли они при въѣздѣ въ пальмовой лѣсъ палаты древняго строенїя, но которыя однако въ своей простотѣ казались быть великолѣпными. У воро́тъ оныхъ палатъ стоялъ почтенной старой мужъ, которой подошедъ къ нимъ говорилъ имъ съ чрезвычайною прїятностїю: дѣти мои, ночь ужѐ наступаетъ, а отсюда ближе шести миль нѣтъ никакого го́рода, ни деревни, нижѐ инова како́ва жилища, гдѣ бы вы переначевать могли, естьли хотите вы войти въ сїи палаты, то можете въ оныхъ спокойно отдохнуть. А завтра опять въ путь свой отправитесь.

Принцъ и Принцесса довольны будучи учтивствомъ сего хозяина, предложенїе его приняли. Они во-

шли

шли въ палаты, въ которыхъ увидѣли женщину лѣтъ въ шестьдесятъ и равномѣрной простоты съ мужемъ своимъ: она принуждала себя принять ихъ, какъ можно, получше, и нѣсколько потомъ спустя накрыли столъ весьма изрядной; но хотя мяса и довольно было, однако безъ всякаго излишества. По окончанïи стола старикъ находившихся для услуженïя рабовъ выслалъ, и просилъ своихъ гостей объявить ему причину ихъ ѣзды, и по какому случаю отшиблись они столь далеко отъ большой дороги. На что Шерефъ-Эльдинъ отвѣчалъ старику: ахъ! государь мой, легко можно васъ удовольствовать коротким и словами. Мы братъ и сестра и бѣжимъ изъ Самарканды отъ гоненïя Визиря, которой не довольствуясь тѣмъ, что безчеловѣчно лишилъ жизни нашего отца

завладѣвъ всемъ его имѣнїемъ, хотѣлъ и насъ еще предать смерти.

Злыхъ надобно опасаться, говорилъ старикъ, но рано или поздо напослѣдокъ погибаютъ они сами бѣдственно. Я печальной сей опытъ видѣлъ въ моей фамилїи, и нѣсколько лѣтъ еще тому, какъ я возвратилъ свое спокойствїе, котораго лишили было меня двое изъ моихъ сыновей своими злодѣйствами. Гюльгинди сжалившись увидя текущїя у старика изъ глазъ слёзы по такомъ печальномъ напамятованїи, говорила ему раскazываніемъ о своихъ печаляхъ, иногда оныя умеьшаются, и естьли не трудно вамъ будетъ, то покорно васъ, государь мой, просимъ объ ономъ намъ расказать. Съ охотою, любезные мои дѣти, отвѣчалъ имъ старикъ, и когда вы видѣли у меня

ня слёзы, то оныя текли не отъ печали, а лучше сказать отъ радости, которую чуствую я нынѣ видя конецъ всѣмъ моимъ нещастіямъ. Слушайте же меня только со вниманіемъ.

ПОВѢСТЬ

О царѣ Карскомъ, Бадурѣ кроткомъ.

Я родился самодержавцомъ Каорскимъ довольно обширнаго государства, котораго и для славолюбія разпространять не хотѣлъ, желая лучше съ моими сосѣдами жить въ мирѣ, нежели отваживать раззореніе своихъ земель несправедливыми войнами; по чему и прозвали меня бадуръ кроткой. Въ молодыхъ моихъ лѣтахъ женился я на Принцессѣ Зарадѣ, которую

вы видите: отъ нея имѣлъ я многихъ дѣтей, между прочими одного сына и дочь, которые родились въ одинъ день. Сыну моему далъ я имя Абузаидъ, а дочери Дижара. Я вамъ сказываю объ нихъ напередъ, хотя они и не старшїе а самые послѣднїе, для того что они щастливо прекратили всю горесть, которую братья ихъ навели на мою жизнь: изъ другихъ двухъ моихъ сыновей одинъ былъ Салеткъ, прозываемой жестокой, потому что онъ всякой день что нибудь злое дѣлалъ, и я не знаю въ ково онъ такой уродился, но повидимому боги намъ его послали для искушенїя нашей добродѣтели, а другой назывался Аземъ, которой нравами также не много разнствовалъ отъ Салетка, и склонность, которую оба они имѣли къ злу, такъ ихъ между собою соединила,

нила, что они всегда были вмѣстѣ. Я всякой день слышалъ на нихъ жалобы, и когдабъ они не дѣти мои были, то бы я тысячу разъ показалъ надъ ними примѣръ моимъ подданнымъ, которымъ по своимъ злодѣйствамъ здѣлались они ненавистными; но должность отца удерживала мою руку: наконецъ безпрестанные мои выговоры столько имъ наскучили, что вознамѣрились они оба отъ моего двора удалиться; и я тысячу разъ прославлялъ тотъ часъ, въ которой исполнили они сїе намѣренїе.

Тому ужѐ больше четырехъ мѣсяцовъ прошло, какъ они поѣхали, и я избавившись ихъ на́чалъ было себя почитать благополучнымъ, какъ пораженъ былъ отъ нихъ наижесточайшимъ и чувствительнѣйшимъ для отца ударомъ.

Нанганская (*) Принцесса Гюхюллеру сочеталась бракомъ съ царемъ Рюзангъ-Гегюномъ, и хотя сей государь не молодъ ужè былъ, однако прiятнымъ и веселымъ своимъ нравомъ награждалъ то, чего лишили его лѣта, и жилъ съ своею супругою въ такомъ совершенномъ согласiи, что оное служило примѣромъ всѣмъ его подданнымъ.

Салеткъ проѣжжая области сего монарха, принятъ отъ него былъ и братомъ своимъ съ великимъ почтенiемъ, и они жили въ его дворцѣ нѣсколько дней: но неразумiе Рюзангъ-Гегюново, что онъ весьма часто имъ показывалъ прекрасную Гюхюллеру, стоило ему его жизни. Салеткъ въ нея влюбился

(*) Нанганъ есть городъ, лежащей на рѣкѣ Рангѣ въ Квангинской провинцiи въ Китаѣ.

ся смертельно; и хотя онъ зналъ, что сія добродѣтельная жена никогда не согласится удовольствовать глупую его страсть, однако не привыкнувъ преодолѣвать своихъ страстей, вздумалъ оныя удовольствовать, во что бы ему то ни стало. И для полученія того, предпріялъ онъ наибезсовѣстнѣйшее намѣреніе, которое только вздумать можно, и для вспомоществованія ему въ томъ пригласилъ брата своего Азема.

Нѣкогда ввечеру гуляя они съ царемъ Нанганскимъ и его супругою въ лѣсу позади дворцоваго саду, бросились они вдругъ на сего государя, которой имѣлъ только при себѣ маленькую саблю, и не успѣлъ отъ нихъ обороняться, изкололи его кинжалами мѣстахъ въ двапцати, и отъ презрѣнія ли, или

или отъ жестокосердїя оставили они проклятые инструменты своего злодѣйства въ обагренномъ кровїю тѣлѣ сего безщастнаго государя.

Гюхюллеру въ то время простирала вопль свой даже до небесъ; но сїи ва́рвары ея схвативъ и вышедъ въ поле воро́тами, у которыхъ стоящаго на караулѣ часоваго они подкупили, всячески старались посадить ея на своихъ лошадей, которыхъ сей плутъ держалъ въ готовности, какъ на Гюхюллеринъ крикъ збѣжалось туда человѣкъ двадцать солдатъ изъ царской гвардїи.

ДЕВЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Нечаянное такое вспоможенїе Салетка и Агема устрашило, они принуждены были цареву о-

ставить

ставить и искать своего спасенія въ бѣгствѣ, за ними гнались понапрасну; они имѣя подъ собою хорошихъ лошадей, спаслися, и увезли съ собою евнуха, которой помогалъ имъ въ произвожденіи мерскаго ихъ предпріятія.

Не можно изобразить въ какой печали находилась Гюхюллеру. Вопль ея проницалъ до небесъ. Она велѣла поднять скровавленное тѣло своего мужа, и вмѣсто того, чтобъ наблюдать всѣ обыкновенные въ Китаѣ при погребеніи обряды, довольствовалась она балсамировать оное своими руками, и потомъ положила его изъ золота здѣланной гробъ, украшенной драгоцѣннѣйшими каменьями. Съ нимъ же положила тутъ рубашку его обагренную въ крови и тѣ кинжалы, которыми онъ былъ умерщвленъ и

нако-

наконецъ торжественнѣйше клялась предъ (*) бонзами мстить смерть своего супруга не только надъ одними убїйцами, но и надъ всею ихъ фамилїею. Потомъ поѣхала она скрытно съ Принцомъ Кїагїемъ своимъ братомъ и двенатцатью невольниками, которые присягнули служить ей до пролитїя своей кро́ви въ томъ намѣренїи, чтобъ исполнить лютое свое предпрїятїе.

Сыновья мои безъ всякаго угрызенїя своей совѣсти того не ожидали, а помышляли только удалиться отъ такой землѝ, гдѣ, какъ имъ извѣстно, весьма они омерзѣли; однако злодѣйство ихъ не долго безъ наказанїя осталось. Отъѣхавъ они нѣсколько миль Салеткова лошадь, подъ нимъ спотткнувшись, пере-

 рело-

(*) Бонзы называются Китайскїе попы.

реломила ему ногу, по чему братъ его Аземъ поѣхалъ въ ближайшей городъ для сысканія ему немедленно лекаря, а сей бещастной отнесенъ былъ въ стоящей неподалеку отъ того мѣста нѣкоторой домъ.

Гюхюллеру, безъ утраты времени слѣдуя за своими убійцами въ погóню, нечаянно остановилась въ семъ же домѣ, со всѣмъ того не вѣдая, что Салеткъ столь близко отъ нея находился; но какъ по окончаніи своего кушанья велѣла она принести передъ себя золотой гробъ, для возобновленія по обыкновенію своему жестокой своей клятвы, то несказанно удивилась увидя, что изъ тѣла ея супруга показалось нѣсколько каплей крóви. Справедливое небо! вскричала она, убійцы мои должны быть въ семъ мѣстѣ, потóмъ вставъ

изъ за стола, какъ лишившаяся ума, взяла въ объ руки по кинжалу, которыми умерщвленъ былъ Рюзангъ-Гегюнъ, и обѣгавъ съ своимъ братомъ и двенатцатью невольниками часть сего дома, пришла напослѣдокъ въ тотъ покой, гдѣ лежалъ Салеткъ. Увидя его, отъ ярости она внѣ себя стала. Невѣрной! сказала она ему тогда, ужѐ время, чтобъ тебя наказать за богомерзкое твое злодѣйство надъ моимъ мужемъ, такому злодѣю, какъ ты, мало и наимучительнѣйшей ка́зни, но мое отмщенїе было бъ несовершенное, естьли бъ я оное хотя на минуту отложила, или бъ поручила оное кому нибудь другому; потомъ не давъ ему времени отвѣтствовать на такой справедливой выговоръ, пронзила кинжаломъ въ его сердце нѣсколько разъ, и велѣвъ отрубить ему

голову и выкинуть его тѣло на съѣденіе хищнымъ птицамъ, изъ сего дому вышла, оставивъ хозяина въ превеликомъ ужасѣ о ея лютости. Провѣдавъ же отъ него, что другой мой сынъ поѣхахъ въ ближайшей городъ, и что по долгомъ его тамъ замедленіи нетерпѣливной Салешкъ послалъ за нимъ находившагося при себѣ невольника, поѣхала она тою же дорогою, по которой имъ надлежало ѣхать, и остановивъ ихъ въ небольшемъ лѣсу, чрезъ которой они проѣжжали, такимъ же образомъ поступила и съ бещастнымъ Аземомъ какъ съ его братомъ, и предала лютѣйшей смерти того евнуха, которой ими подкупленъ былъ.

Услыша такую печальную вѣдомость я изумился, а притомъ пришелъ въ ужасъ, сколько я къ

дѣтямъ

дѣтямъ моимъ горячности ни имѣлъ, однако не могъ похулить Гюхюллерина мщенія: но напослѣдокъ я было съ печали едва не умеръ, увидя окровавленныя ихъ головы, которыя она прислала ко мнѣ въ ящичкѣ съ приложеннымъ притомъ угрозительнымъ письмомъ, что она такимъ же образомъ истребитъ и меня со всею моею фамиліею.

Абузаидъ, сынъ мой, которой одинъ только у меня остался, столько же возчувствовавъ печали о смерти своихъ братьевъ, сколько и я, говорилъ мнѣ: милостивой государь, мы должны противиться раздраженной женщинѣ, и которая не будетъ наступать на насъ силою; позвольте мнѣ, чтобъ я принялъ на себя стараніе о сохраненіи вашей жизни, и избавилъ бы васъ отъ угрожаемой напасти.

Печаль моя, продолжалъ Бадуръ, столь была чрезвычайна, что я лишился всѣхъ чувствъ; дѣлай что изволишь, сказалъ я ему, любезной мой Абузаидъ, а я запрусь въ моихъ покояхъ, и буду вѣчно оплакивать злыя дѣла̀ твоихъ братьевъ, и просить нашихъ боговъ, чтобъ оные предали забвенїю. Пото́мъ удвоилъ я мой караулъ и немедленно заперся въ заднїе мои покои съ царевою, моею супругою, и съ тремя или четырьмя первыми моими придворными, которые не хотѣли меня оставить въ моемъ отчаянїи.

Сынъ мой, приготовивъ все надобное къ намѣренному пути, подошедъ къ Принцессѣ Дижарѣ, говорилъ ей, любезная моя сестрица, вы знаете сколь разъярилась на насъ Гюхюллеру; мы здѣсь въ безо-

безопасности жить не можемъ, пойдемъ вмѣстѣ искать способовъ для избавленія отъ такихъ жестокихъ угрозъ себя и нашихъ родителей. Славный духъ Жеонга, покровитель всѣхъ нещастныхъ, живетъ въ великолѣпномъ домѣ у подошвы горы (*) Юбаль-Ассюмумы. Я принялъ намѣреніе, пока отецъ мой заключенъ будетъ въ своемъ дворцѣ, итти требовать помощи у сего царя духовъ. Поѣдемъ, любезная моя Дижара, и въ такомъ платьѣ, которое природу въ нашу таило, отвратимъ зло, ко-

(*) То есть ядовитая гора, ибо земля на оной приводитъ запахомъ своимъ всѣхъ мимоходящихъ въ превеликое уныніе, да и языкъ чернымъ отъ того становится, и сія чернота вѣчно уже такъ останется: чего ради весьма рѣдко приближаются къ сей горѣ, которая лежитъ между Корассаномъ, Китаемъ и нѣкоторою частію Индіи.

торое навлекли на наши головы нещастные наши братья.

Абузаидъ и Дижара при отъѣздѣ своемъ съ нами простились. Будучи же въ дорогѣ больше мѣсяца, пріѣхали они на пространное поле, изрытое многими потоками; какъ жаръ былъ тогда чрезвычайной, а вдали находился весьма густой лѣсъ, то они гораздо въ оной въѣхавъ легли подъ тѣнью для отдохновенія, и съ двумя невольниками, изъ которыхъ вся ихъ свита состояла, какъ услышали нечаянно преужасной стукъ, какъ бы отъ превеликаго камня, которой катился сверьху горы. Они глядѣли на всѣ стороны, не примѣтя однако откуда бы сей стукъ происходилъ; но вошедъ подалѣ въ лѣсъ узнали они, что оной произходитъ изъ нѣкоторой ямы, покрытой

той весьма малымъ камнемъ и запечатаннымъ по всѣмъ четыремъ угламъ печатью, въ которой было изображено имя великаго (*) Саломона. Тогда услышали они, что испужавшей ихъ прежде сего стукъ началъ уменьшаться, а потомъ слышны были слѣдующїя жалобы: Невѣрной Зелулу! надлежитъ ли тебѣ во зло употреблять Саломонову печать, чтобъ держать меня заключеннымъ въ сихъ мѣстахъ, и долго ли сидѣть нещастному Жеонгѣ во внутренностяхъ землѝ, не заслуживъ такой нещастной судьбины!

Услышавъ имя Жеонги, дѣти мои обрадовались несказанно: царь духовъ, вскричалъ ему Абузаидъ, скажи только мнѣ, что дѣлать

(*) Восточные народы великїя тайности приписываютъ печати Саломоновой.

надобно: нещастной Принцъ готовъ тебѣ во всемъ помогать не щадя живота своего. Подними только, отвѣчалъ ему духъ, сей камень, снявъ, какъ возможно, искусненько изображенную печать великаго Саломона. Абузаидъ крайнѣ обрадовавшись снялъ печать безъ поврежденія, такъ какъ точно ему приказывалъ духъ; послѣ чего тотчасъ поднялся густой дымъ даже до облакъ, и разпространяясь около ямы, здѣлалъ столь великой туманъ, что Принцъ и Принцесса не могли другъ друга видѣть.

ДЕСЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Здѣлавшаяся въ лѣсу вдругъ чрезвычайная темнота, привела Принца и Принцессу въ превеликой ужасъ; но туманъ сгустясь вмѣ-

стѣ, превратился во мгновенїе ока въ твердое тѣло, въ которомъ предсталъ имъ оной духъ.

Абузаидъ и Дижара бросились тотчасъ къ его ногамъ: мы хотѣли было, говорилъ ему Принцъ, мой сынъ, итти до вашего жилища, я надѣялся, что и не подвергая себя печальнымъ слѣдствїямъ отъ горы Юбаль-Ассюмумы, дверь бы мнѣ отворилась помощїю нѣкоторыхъ словъ, которымъ напредь сего выучилъ меня Жогю (*) Каїкоскао,

(*) Жоги у Индѣйцовъ на подобїе странствующихъ, или пустынножителей, которые ищутъ обыкновенно пустыни и уединенїя. Они питаются милостынею, и за ихъ мнимую святость бываютъ въ великой славѣ и почтенїи; ибо они по нѣскольку дней препровождаютъ весьма въ строгомъ воздержанїи, а иногда безъ пищи и питїя. Многїе изъ нихъ стоятъ понѣскольку лѣтъ безотходно

и безъ которыхъ всякой смертной, которой на сїе отваживается, приходитъ въ ужасное унынїе гораздо несноснѣйшее, нежели и потерянїе жизни.

Я благодарю бога, перервалъ духъ его рѣчь, что онъ привелъ васъ въ сїи мѣста для возвращенїя моей вольности, которой лишилъ меня проклятой Зелулу, тому около двенатцати лѣтъ, однако я за такую большую услугу неблагодарнымъ не останусь. Сей

при дверяхъ капища со всѣмъ нагїе, и сносятъ всякую непогоду, не оставляя своего мѣста ни на одинъ часъ, кромѣ исправленїя естественной нужды; однако со всѣмъ тѣмъ наибольшая часть изъ оныхъ бываютъ великїе обманщики, и не столько славу себѣ получаютъ отъ ложной своей святости, какъ отъ дѣйствїя нѣкоторыхъ травъ и каменьемъ, которыхъ силу узнали они таскаясь повсюду, и которыми они народъ ослѣпляютъ.

Сей проклятой духъ, продолжалъ Жеонга, для отмщенія мнѣ за то, что я часто уничтожалъ злыя его предпріятія противъ молодыхъ Принцовъ и Принцессъ, которыхъ онъ гналъ и мучилъ для собственнаго своего удовольствія, поступилъ въ томъ слѣдующимъ образомъ: какъ онъ зналъ, что его сила и власть противъ моей гораздо меньше и ниже, то конечно надобно думать, что онъ своею хитростію укралъ у добродѣтельнаго царя Зифа печать великаго Саломона, которую сей употреблялъ на одну только пользу: и такимъ образомъ получивъ оную въ свои руки, пришелъ онъ ко мнѣ просить у меня прощенія во всѣхъ прискорбностяхъ, которыя онъ многократно дѣлывалъ находившимся подъ моимъ покровительствомъ, и просилъ меня, чтобъ я принялъ

его въ свое дружество, съ такимъ повидимому чистосердечнымъ увѣренїемъ, что я не могъ ему въ томъ отказать.

Послѣ нашего примиренїя гуляли мы въ семъ лѣсу, и приведши меня нечувствително къ сему мѣсту, сѣлъ онъ на краю сей глубокой ямы; потомъ сей плутъ, которой старался только меня поймать, взявъ у меня посмотрѣть брилїантовое ожерелье, которое я носилъ всегда на шеѣ, уронилъ нарочно, будто бы невзначай въ оную яму. Я тотчасъ туда бросился, чтобъ его поднять, а онъ того то и желалъ, и тотчасъ закрылъ яму симъ камнемъ и запечаталъ печатью великаго Саломона. Разсуди Принцъ о моемъ удивленїи, продолжалъ Жеонга, тщетныя и безполезныя мои старанїя, чтобъ

вытти изъ сей темницы ясно мнѣ доказывали, что какая нибудь вышняя сила мнѣ въ томъ препятствовала, и сїе мѣсто въ такой глуши стало, что я считалъ пробыть тутъ многїе вѣки. Но какъ столь мало ожиданною вольностїю долженствую я вамъ, то смѣло можете вы надѣяться, что и благодарноть моя къ вамъ будетъ безконечная.

Духъ, продолжалъ Бадуръ, открывъ моему сыну, что ему причина его опасности не безъизвѣстна, предупредилъ его самъ о помощи, которой они отъ него ожидали.

Смерть вашихъ братьевъ, говорилъ онъ, была справедлива, и Гюхюллеру неотмѣнно должна была жертвовать сихъ убїйцъ тѣни своего мужа; но я жестокой ея гнѣвъ

укрочу,

укрочу, и отъ сего времени вы не имѣете ничего опасаться отъ ярости сея Принцессы.

Потомъ положивъ опять камень на отверстїе ямы, утвердилъ по прежнему на ономъ и печать Салемонову, дабы Зелулу не могъ догадаться о его уходѣ; и своею силою здѣлавъ тамъ такой же шумъ, какой происходилъ и во время его заключенїя, обнявъ Принца и Принцессу, и поднявшись на воздухъ разсѣкая оной съ невѣроятною скоростїю, поставилъ ихъ на прекрасной лугъ на самой границѣ моихъ земель. Я васъ прежде не покину, сказалъ онъ имъ, пока не здѣлаю васъ щасливыми; но какъ надобно мнѣ укрываться отъ Зелулу, чтобъ унести у него Салемонову печать, то я въ такомъ образѣ предъ вами являться не

буду;

буду; а заключу себя въ маленькой ларчикъ, которой прекрасная Дижара можетъ легко всегда носить при себѣ; и ежели когда я вамъ для чего либо понадоблюсь, то вы только лишь объ ономь подумайте, а я въ тотъ же часъ повелѣнїе ваше и исполню. Потомъ духъ превратился въ дымъ, и Принцесса, моя дочь, нашла у своихъ ногъ золотую коробочку и съ такою же цѣпочкою; она тотчасъ ея открыла и съ превеликимъ удивленїемъ видѣла въ оной сквозь хрусталь всѣ внутреннїя человѣческїя части и повѣсила ея къ поясу.

Духъ, продолжалъ бадуръ, одѣлъ моихъ дѣтей въ богатое платье, и не приказалъ имъ больше скрывать своего имени: они ужѐ такимъ образомъ проѣхали нѣсколько городовъ моего владѣнїя, какъ въ

одинъ

одинъ вечеръ прїѣхавъ въ неболь-шую деревню, гдѣ принудила ихъ остановиться темная ночь, въѣхали они на одинъ дворъ, которой тутъ казался быть лучшимъ. Хозяинъ принялъ ихъ весьма учтиво, но въ самое то время, какъ вошли они въ приготовленной для нихъ покой, три Китайца хотѣли было оной занять для нѣкоторой госпожи, которая дожидалась у воро́тъ. Сынъ мой какъ скоро о себѣ обьявилъ, что онъ Принцъ Каорской, то сїи три человѣка уступили ему тотчасъ мѣсто, вышли изъ онаго дому и сыскали для госпожи иную квартиру.

Мои дѣти послѣ ужина легли на постели, и были ужѐ въ глубокомъ снѣ, какъ прежнїе три Китайца, вышепомянутая госпожа, то есть Гюхюллеру съ своимъ братомъ

томъ и прочими служителями пришли къ воро́тамъ того дому, гдѣ былъ Абузаидъ съ Дижарою. Гюхюллеру отъ радости внѣ себя была, услыша, что они отъ нея столь близко; но желая дать имъ время, чтобъ они заснули, и погодя нѣсколько, какъ разсудилось ей, что ужѐ они наслаждались спокойнымъ сномъ, велѣла постучать у двора, гдѣ они стояли.

Лишъ только хозяинъ онаго дому воро́та отворилъ, то тотчасъ поставили ему къ горлу кинжалъ, угрожая его умертвить ежели онъ хотя малой шумъ здѣлаетъ. Намъ только надобны, говорила ему Гюхюллеру, два измѣнника, которыхъ ты укрылъ въ своемъ домѣ, и которые называются дѣтьми царя Каорскаго. Отдай ихъ нашему отмщенїю, естьли же того не

не здѣлаешь, то самъ сей же часъ погибнешь. Испужавшейся хозяинъ принужденъ былъ ихъ проводить въ покой къ Абузаиду и Дижарѣ; оплакивая самъ въ себѣ печальной ихъ жребїй, котораго они повидимому избѣжать не могутъ.

Цареву Нанганскую, какъ она сама мнѣ послѣ призналась, тревожили тогда ужасныя мысли, и она мучилась угрызенїемъ совѣсти за такое безчеловѣчное дѣло: забудь что ты женщина, помышляла она въ то время сама въ себѣ, или по крайней мѣрѣ вспомни, что ты женщина обруганная; потомъ давши одинъ кинжалъ Кїагїю, а другой взявъ сама, вошли они въ покой къ моимъ дѣтямъ, и хотя дрожащею рукою, однакожъ намѣрены были исполнить безчеловѣчное свое предпрїятїе: какъ взглянувъ

оба

оба они на лица тѣхъ особъ, которыхъ хотѣли они умертвить, почувствовала, что руки ихъ удерживала потаенная сила.

Никогда Гюхюллеру въ такомъ изумленіи не была, какъ смотря на прекрасное лицо Абузаида; а красота Принцессы Каорской столь сильно плѣнила Кіагія, которой хотѣлъ ей пронзить сердце, что и кинжалъ изъ рукъ вонъ выпалъ.

Гюхюллеру не столь было скоро пришла въ слабость, но духъ Женонга, которой наблюдалъ о спасеніи моихъ дѣтей, тотчасъ умяхчилъ ея сердце; она разбудила моего сына и говорила ему: благодари тайному нѣкоему движенію, которое меня обезоруживаетъ, желаніе моего мщенія исчезло, и я чувствую, что сердце мое умяхчи-

лось

лось въ самое то время, когдабъ надлежало ему ожесточиться. Потомъ оборотясь къ своему брату: а ты любезной мой Кіагіа, я ужѐ довольно вижу, что сильно заразился красотою Принцессы. Сколь довольна я щастливою сею взаимною склонностію! Я бы умерла съ печали, когдабъ ты совершилъ половину несправедливаго нашего намѣренія, и я начинаю чувствовать, что я ужѐ чрезъ мѣру свирѣпство свое распространяла: самые виноватые по достоинству наказаны, и смерть моего мужа довольно отмщена.

Дижара пробудившись въ сіе время, крайнѣ испугалась, видя у себя въ покоѣ столько незнакомыхъ; сильной царь духовъ, вскричала она, подай намъ скоро твою помощь.

Какъ

Какъ скоро лишъ она сїи слова̀ промолвила, то золотая коробочка сама собою открылась, и горница наполнилась дымомъ, которой мало помалу пропадая, представилъ ихъ глазамъ сильнаго Жеонга. Толь нечаянная помощь привела въ привеликой ужасъ Гюхюллеру и Кїагїа, и они начали было опасаться о потерянїи живота своего; однако духъ съ чрезвычайною кротостїю обнадежилъ ихъ, чтобъ они ничего не опасались.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

